

WORLD
WARCRAFT
BATTLE FOR AZEROTH

ЭЛЕГИЯ

Кристи Голден

Blizzard Entertainment, Inc., 2018 г.

Под сиянием луны слушай.

На берегу реки слушай.

С любимыми в своих объятьях слушай.

Стоны умирающих братьев слушай

И шепот ветра над теми, кто умолк.

Плач моего израненного сердца слушай.

То песня о Древе Жизни

И смерти всех наших мечтаний,

Что когда-то цвели на могучих его ветвях...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
В БАШНЕ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Все чистым рождено, что в мир приходит.

Ростком нежнейшим было вековое древо,

И даже звезды были молоды когда-то.

О госпожа Элуна,

Сладчайшие слезы пролей,

Вспоминая невинность

Дней наших юных.

Лязг!

Клинки скрестились, и звонкая песнь металла ознаменовала начало поединка. Отскочив назад, противники принялись кружить друг против друга. Пожилой мужчина с волосами и бородой белыми, как лунный свет, описал мечом дугу в воздухе, сделал ложный выпад и попытался ударить противника сбоку. Но его юный противник ловко отразил удар. Клинки сверкнули в луче солнца и, столкнувшись, высекали ослепительные искры.

— Да, славно, — проворчал Генн Седогрив, совершив очередной выпад, который молодой человек снова отбил, — но когда-нибудь тебе все-таки придется...

Седогрив едва успел поднять меч, чтобы защититься от удара короля Андуина Ринна.

— Атаковать? — Андуин широко улыбнулся. Он обрушил с высоты новый удар, и через металл Андуину передалось напряжение его старшего товарища. Волосы цвета солнца растрепались и упали ему на глаза. Он понял, что это не укрылась от внимания Седогрива, и поморщился.

Король Гилнеаса резко отстранился. Потеряв равновесие, Андуин чуть не упал вперед. Почти не уступая в стремительности молодому королю, Седогрив поднял меч и обрушил его на противника. Только в последний момент он развернул руку так, чтобы меч ударил Андуина плашмя. Андуин зарычал от напряжения и все-таки успел среагировать. Шаламейн, когда-то принадлежавший

его отцу, принял на себя удар, но у Андуина не хватило силы его удержать. Меч упал на лужайку сада, разбитого в крепости Штурмграда.

— Прежде чем ты начнешь, — сказал запыхавшийся Андуин, поднимая клинок, — учти, что в бою на мне будет шлем.

— Да, если все сложится идеально, — ответил Седогрив и ухмыльнулся. Щеки молодого короля горели равно от напряжения и смущения. Андуин не обиделся на подколку. — Ну а пока что, — продолжил Генн, — советую тебе подстричься. В бою хватит опасностей и без золотых кудрей, которые застилают глаза в неподходящий момент.

Андуин рассмеялся.

— Ничего, — ответил он, — в следующий раз я уберу волосы получше, прежде чем драться с тобой.

— Ох уж эта слабость всех Риннов к длинным волосам, — ответил Седогрив, качая головой, — никогда этого не понимал.

К ним приблизился один из штормградских стражников и вытянулся по струнке.

— Ваше Величество, — отрапортовал он, — мастер Шоу вернулся с докладом о последних событиях.

Напрягшись, Андуин взглянул на Седогрива. Мало что портило им обоим настроение сильнее, чем весть о том, что Матиас Шоу ждет их аудиенции.

— Это срочно? — спросил Андуин.

— Как пожелает Ваше Величество, — ответил стражник.

Молодой король немного расслабился.

— Хорошо, — сказал он. — Предложи ему угощение и скажи, что мы с королем Седогривом скоро примем его в картографическом салоне.

Через полчаса, переодевшись и освежившись, Генн и Андуин вошли в комнату, где Матиас Шоу наметанным глазом рассматривал большую карту Штурмграда.

Обычно Андуин проводил совещания именно здесь. В детстве он пробирался сюда поиграть с фигурками, обозначавшими солдат, припасы и оружие. Но теперь этот зал олицетворял для него тяжелейшую из королевских обязанностей: работу над военной стратегией.

Шоу обернулся и поклонился вошедшим.

— Рад видеть вас — ведь новости сегодня не слишком мрачные? — иронично поприветствовал его Андуин.

Генн хмыкнул, но Шоу даже не улыбнулся.

— Да, для разнообразия, — кратко ответил он. — Следуя решению, принятому в ходе нашей прошлой беседы, я наводнил Оргриммар агентами.

Недавняя встреча с Сильваной Ветрокрылой привела Андуина в ярость и ранила в самое сердце. На нагорье Арати он своими глазами увидел, какими подлыми средствами она может добиваться своих целей. Андуин сказал Генну и Матиасу, что доверять вождю Орды больше нельзя, хотя очевидного повода для объявления войны нет.

«Я хочу, чтобы за ней, Гнилостенем и Саурфангом — за всеми высокопоставленными и влиятельными персонами Оргриммара — установили постоянную слежку. И я хочу, чтобы они это знали, — сказал тогда король, — пусть думают, что Альянсу известно о них все: даже какое пойло они заказывают в таверне».

Шоу удивленно приподнял бровь. «Интересное решение», — ответил он, однако возражать не стал.

— И есть результаты? — спросил Андуин.

— Мои агенты... рады сложным заданиям, — ответил Шоу. Судя по его голосу, сам он был другого мнения.

— Есть потери?

— Значительно меньше, чем ожидалось.

— Хорошо, — ответил Андуин. — Отправьте еще людей.

Генн одобрительно кивнул седовласой головой.

Шоу нахмурил свои густые рыжие брови.

— Тогда в Оргриммаре нельзя будет пройти по улице, не натолкнувшись по меньшей мере на дюжину, — произнес он с явным неодобрением.

— Что ж, пусть наталкиваются, — ответил Андуин. — Агенты по-прежнему сообщают нам много интересного?

— Да. По последним донесениям, между вождем Сильваной и ее верховным воеводой нет согласия — и Гнилостень этому не рад.

Генн и Андуин переглянулись.

— Для нас это может быть очень полезным, — сказал Андуин, — мой отец хорошо отзывался о Вароке Саурфанге, и я сам слышал его показания на суде над Гаррошем Адским Криком. Честь для него никогда не была пустым словом. Может, его мнение о Сильване меняется. — Андуин задумался, сообщили ли Саурфангу о подлом выборе, который Сильвана сделала на нагорье Арати. Огорчили бы верховного воеводу такие вести? Остается только надеяться.

— Он далеко не глуп, — уверенно продолжил Андуин, — и наверняка видит, что королева банши считает власть важнее чести.

— Не стоит идеализировать этого старого орка. Он ветеран Первой войны, той самой, в которой пал Штормград и был убит ваш дед, — напомнил Шоу.

Андуин кивнул.

— Да, конечно. Однако орка, у которого есть честь, я всегда предпочту банши, у которой ее нет. А если Саурфанг действительно поссорился еще и с Натаносом Гнилостенем, тем лучше для нас, я считаю.

— А из-за чего *именно* поссорились орк с мертвецом? — спросил Шоу Генн.

— Из-за планов следующей кампании.

— И что это за планы?

— Пока еще не ясно, — ответил Шоу. — Но именно о них не могут договориться вождь и верховный воевода. Мы лишь знаем, о чем идет речь.

Андуин поднял золотистую бровь.

— И о чем же?

Шоу мрачно произнес:

— О Силитусе.

Кордесса Вересковый Лук медленно шла по тропе, а за ней брели еще двое часовых и трое дворфов. Когда впереди наконец-то показался храм Луны, она чуть не разрыдалась. Кордессу повысили до звания капитана совсем недавно. Она заранее известила о своем прибытии, и Тиранда Шелест Ветра распорядилась приготовить для отряда встречу, достойную героев.

— Надо же, — произнес Гэввин Крепкорук, глава экспедиции Лиги исследователей, когда путники подошли ближе к храму, — работа по камню почти не хуже, чем в Стальгорне.

Кордесса устало улыбнулась. За последние несколько недель она успела привязаться к дворфам. Магни Бронзобород, вестник Азерот, возвестил лидерам Альянса, что их мир молит об исцелении. Лига исследователей отправила в Силитус экспедицию для изучения странной новой руды под названием азерит. Это вещество, сама сущность Азерота, поднялось из глубин, когда павший титан Саргерас безжалостно вонзил свой огромный меч в почву этого мира. У азерита обнаружили удивительные свойства, которые Альянсу еще толком не удалось изучить. Из-за гоблинов на раскопках было опасно, поэтому Тиранда послала Кордессу и других часовых охранять экспедицию.

Конечно, раньше Кордессе доводилось слышать о дворфах, будто это низкорослые выпивохи и болтуны и вдобавок тупицы. Мол, они знай себе выкапывают то, что лучше оставить в покое, и не поднимают взор к лунам и солнцу без крайней нужды. Но узнав дворфов получше, она забыла обо всех предубеждениях.

К своему величайшему сожалению, Кордесса, как и все прочие, недооценила многочисленность, злобу и дерзость гоблинов, поселившихся у огромного меча. За одну ночь погибло несколько часовых и участников экспедиции. Кордессу терзало чувство вины. Доставить выживших в безопасное место стало ее главной задачей.

Кому-то другому замечание Гэввина о величественном храме ночных эльфов могло показаться пренебрежительным, но не Кордессе. В зычном возгласе Гэввина она расслышала восхищение и уважение.

— Не сомневаюсь, что Стальгорн прекрасен, — сказала она с улыбкой, — но здесь есть кое-что, чего там не найти. Думаю, вы будете рады это увидеть.

— Неужели? И что же это такое? — поинтересовалась Инге Железный Кулак.

— Лунные колодцы.

— Помню лунный колодец в роще Стража Природы, — вставила Арвис Чернокамень, — очень милый, да и силы восстанавливал неплохо!

Полные целительных вод лунные колодцы были святынями, получившими благословение жриц. Все они выглядели «очень мило», но ни один не мог сравниться с лунным колодцем в Дарнасе. Кордесса уже предвкушала, какое впечатление он произведет на дворфов.

Когда путники вошли в храм Луны, дворфы разом умолкли. Прибывших из сурового, почти безжизненного Силитуса утопающий в зелени храм просто не мог оставить равнодушными. Дворфы осматривались, приоткрыв рты, пока их зачарованные взгляды не приковала гигантская статуя в центре храма.

— Это Хайдин, — объяснила Кордесса, — первая жрица Элуны. Впервые оказавшись в храме Луны, многие ошибочно полагали, что сияющая белая статуя ночной эльфийки, поднявшей над головой чашу и с любовью вззирающей на стоящих у ее ног, — это изображение самой Элуны. В некоторых уголках храма играли эльфийские барды. Мягкие, словно свет Элуны, звуки их музыки ласкали слух и успокаивали — точно так же, как плеск струящейся из чаши воды.

К ним подошла одна из жриц, Астария Устремленная к Звездам, и обняла Кордессу.

— До нас дошли вести, что вы придете, — сказала она. Жрица с теплотой взглянула на дворфов, смотревшим на нее во все глаза.

— Ваш путь был долгим и опасным, — обратилась к ним Астария, — мы соболезнуем вашей утрате. Пожалуйста, позвольте нам исцелить вас и восстановить ваши силы. Здесь много еды, а воду из лунного колодца можно пить. Но смею заметить, что лучше всего священные воды помогают тем, кто в них искупается. Если вы пожелаете окунуться, мы приготовили для вас специальное облачение.

Гэввин нахмурился.

— Фигура у меня, конечно, хоть куда, но все же, милые дамы, я не хотел бы вас смущать.

Еще никогда Кордесса не видела, чтобы его и без того румяные щеки так краснели.

Астария улыбнулась:

— Здесь есть специальные комнаты для переодевания.

— Э-э... Вот, значит, как, — хмыкнул Гэввин, покраснев еще больше, — что ж, если так, то... Спасибо!

Исследователи вольготно разместились в просторном храмовом бассейне. Кордесса почувствовала, как прохладные воды смывают боль и усталость, как отступает грусть. Но едва ли не приятнее было наблюдать, как восторг и удивление преображает лица ее друзей.

«Да. Друзей. Теперь они не просто мои подопечные».

Эльфийка распустила волосы, и темно-синие пряди заструились по ее спине. Погрузившись в бассейн, она прошептала благодарственную молитву.

Вода приглушала звуки, но Кордесса сразу услышала, когда ее позвали по имени. Нехотя открыв глаза, она увидела улыбающееся лицо.

— Деларин! — вынырнув, воскликнула Кордесса.

На кромке бассейна сидела лейтенант Деларин Летняя Луна. Такая же часовая, как Кордесса, только моложе и младше по званию. С тех пор как на Азерот обрушился Катаклизм, Кордесса была ее наставницей. Со временем они стали близкими подругами. Лицо Деларин обрамляли ярко-голубые волосы. Она еще не выбрала, какие узоры украсят ее лицо, и сияющая кожа с розовым отливом была чиста. «Я знаю, что узоры не обязательно связаны с каким-то обрядом посвящения, — однажды сказала она Кордессе, — но, по-моему, так правильно. Еще ничто не оставило в моей жизни столь глубокий след, чтобы подсказать мне их очертания».

— Я слышала, что ты вернулась, — молвила Деларин. Ее лучистый взгляд скользнул по полным блаженства лицам сидящих в бассейне дворфов, чуть ли не с головой погрузившихся в воду. — Рада, что тебе удалось привести их сюда.

— Если бы только я смогла привести всех... — ответила Кордесса. Даже воды колодца едва могли смягчить боль в ее сердце. — Я отправила госпоже Тиранде письмо, где подробно обо всем рассказала.

Деларин не стала продолжать эту печальную тему. Она лишь сообщила:

— Наша госпожа просит тебя прийти и доложить обо всем лично.

— Тогда я пойду к ней прямо сейчас, — Кордесса встала в бассейне.

Ее подруга положила руку ей на плечо и нежно, но решительно, заставила вновь опуститься в воду:

— Когда ты полностью исцелишься, — сказала она. — Госпожа очень ясно выразилась на этот счет.

— Я готова вернуться на службу, как только меня призовут, — ответила Кордесса. — Но признаюсь... я с удовольствием отдохну еще несколько минут.

Немногим позже Кордесса и Деларин поблагодарили жриц и попрощались. Кордесса завидовала им — своим сестрам с более мягким нравом, чей путь привел их в храм, а не на поле боя. Но такой путь всегда был не для нее, не для Деларин.

Тиранда Шелест Ветра, верховная жрица Элуны и основательница ордена уасовых, работала в небольшом уединенном кабинете на другом этаже храма. Когда часовые вошли, она писала письмо. Тиранда подняла взгляд, и Кордесса, отдав честь, объявила:

— Леди Тиранда, я явилась на твой зов. Я беру на себя всю ответственность за провал в Силитусе.

Верховная жрица ничего не ответила. Лишь поднялась и дружески обняла ее. Отстранившись, Тиранда ласково посмотрела на Кордессу.

— Часовая Кордесса, — нежно произнесла она, — я прочитала твой отчет. Мне понятны твои чувства. Тяжело терять тех, кого тебе доверили защищать. Но теперь ясно, что мы все — я, Малфурион, король Андуин и его советники — слишком поздно поняли, насколько опасны гоблины в Силитусе. Их было легко недооценить, и мы за это поплатились. А что касается твоей роли во всем этом... Ты привела к нам уцелевших исследователей через опасные земли и доставила ценные сведения. Это нельзя назвать провалом.

С улыбкой дотронувшись до щеки Кордессы, она отошла.

— Я почти дописала свой ответ на письмо короля Андуина о новых тревожных вестях от его шпионов.

— Мне уйти, госпожа? — спросила Деларин.

— Можешь остаться, — ответила Тиранда. — То, что я сейчас расскажу, скоро станет известно всем.

Деларин склонила голову.

Тиранда снова села за стол.

— После трагедии на нагорье Арати король Андуин увеличил число соглядатаев, следящих за владыками Орды в ее столице. По-видимому, Сильвана и ее фаворит Натанос Гнилостень ожесточенно спорят с верховным воеводой Саурфангом о том, куда отправить войска, — она взглянула на Кордессу. — Твоя стычка с гоблинами в Силитусе — сама по себе печальная новость. Но теперь оказывается, что Саурфанг хочет отправить туда несколько сотен солдат Орды.

Кордесса нахмурилась:

— Могу я высказать свое мнение?

— Безусловно.

— Несколько сотен — еще не повод для беспокойства.

Лицо Тиранды помрачнело.

— Повод вполне весомый, если это разведчики в поисках наилучшего пути для следующей за ними армии. Король Андуин считает, и я с ним согласна, что Орда нашла для азерита какое-то смертоносное применение и что Саурфанг собирается отрезать Альянсу доступ к этому веществу. И тогда баланс сил может резко измениться в пользу Орды.

У Кордессы все сжалось внутри. Андуин Ринн побывал в Дарнасе несколько месяцев назад. Он обсудил с Малфурионом и Тирандой именно такой вариант развития событий. Земли ночных эльфов и дрениев были единственным оплотом Альянса на континенте, и только эти народы могли быстро дать отпор вторгшейся в Силитус Орде. Но силы дрениев истощила недавняя война с Легионом. Когда война закончилась, Тиранда начала постепенно собирать армию, чтобы при необходимости отправить ее к зловещему мечу Саргераса.

— Понимаю, — ответила Кордесса. — К сожалению, я не понаслышке знаю об опасностях, угрожающих Лиге исследователей уже сейчас. Им не выстоять против армии — впрочем, как и нашим жрецам и друидам.

— А что лунные колодцы, от них есть какая-нибудь польза? — спросила Деларин.

В давние времена ночные эльфы строили лунные колодцы в разных частях света — на землях, пострадавших от энергии Скверны и темных сил. Когда жрецы и друиды сообща призывали на помощь силы природы и благословение Элуны, священные воды часто умиротворяли и очищали беспокойную землю. Несколько таких групп отправилось в Силитус в надежде, что эта целительная магия сработает и там. Это был мирный способ исцелить землю, пострадавшую от меча Саргераса и жадности гоблинов.

— Пока еще рано делать выводы, — ответила Тиранда, — мы дали обет помогать целителям, которые лечат раны Азерота, и защитим их, если Орда действительно выступит к мечу Саргераса. Пора начинать подготовку, — она показала на незаконченное письмо, лежавшее на столе. — Я написала Шандрисе Оперенной Луне и попросила ее привести свои отряды в повышенную готовность. В следующие несколько недель мы будем отправлять войска — не больше одного-двух кораблей за раз, чтобы не привлекать внимания. Когда наш флот соберется в Фераласе, армия будет готова выступить к мечу — мне останется только дать приказ.

Слава Шандрисы Оперенной Луны едва ли уступала славе самой Тиранды. Она рано осиротела. Пылающий Легион уничтожил ее семью, и Тиранда заменила ей мать. Шандриса была в числе первых часовых и по-прежнему оставалась их полководцем. Теперь она командовала силами ночных эльфов в цветущих землях Фераласа. В Приюте Стрелка она помогала охотникам всех рас.

— Если вождь поддержит план Орды, — продолжила Тиранда, — то ее армия будет готова не сразу. Ей потребуется время, чтобы прибыть на место. Мы легко сможем подготовить верховному воеводе Саурфангу достойный прием.

Тиранда Шелест Ветра улыбнулась.

Порой Рензика раздражало, что он единственный агент ШРУ, способный свободно разгуливать по Оргриммару. Конечно, он понимал, почему это было так. Почти все сотрудники организации, кроме него, были представителями легко узнаваемых рас Альянса. Поэтому им практически всегда приходилось

держаться в тени. В оставшееся время их выручала только магия или виртуозная маскировка. Ясно, что возможностей для слежки под прикрытием у них было немного.

Рензик был правой рукой Матиаса Шоу и к тому же — гоблином. Вот почему, по уверениям мастера шпионажа, именно от него в первую очередь ожидали узнать, что же на самом деле происходит в сердце владений Орды.

Это весьма льстило, но уже немного приелось. Он был шпионом и разбойником и, по правде говоря, не отличался особой общительностью. Однако платили ему хорошо, к тому же он входил в число — вряд ли очень большое — гоблинов, пользующихся немалым уважением. Играло свою роль и то, что ему претило положение его народа в период, если можно так выразиться, правления торгового принца Джастора Галливикса.

Наконец, он питал небольшую, но все же слабость к воззрениям, типичным для Альянса, — однако в этом он ни за что бы не признался, чтобы не запятнать свою тяжким трудом заработанную репутацию.

Он находился в столице Орды с самого начала напряженной ситуации с «мечом в песках», выдавая себя за торговца всякой мелочевкой. Именно ему все шпионы Альянса докладывали о том, что удалось разузнать, — конечно, не лично. Мало кто знал, кто он на самом деле, и Рензика это вполне устраивало.

Текущее задание казалось ему довольно скучным, особенно с учетом того, что у торговца было мало возможностей рыскать в темноте. Но были и преимущества: кто, как не торговец, в курсе стольких сплетен? Некоторые покупатели готовы были излить душу незнакомцу с множеством симпатичных вещичек. Другие словно не замечали, что он стоит совсем рядом, и разговаривали между собой так, будто его не было.

Свой киоск он поставил у крепости Громмаш. Достаточно далеко, чтобы его не сочли опасным, но достаточно близко, чтобы наблюдать и запоминать, кто входит в крепость и выходит из нее... И выражение лиц уходящих.

С особым удовольствием Рензик следил, как ежедневно Варок Саурфанг понуро бредет на встречу с вождем. Он входил в крепость с раздраженным видом, а на обратном пути обычно был в ярости. Еще интереснее было наблюдать, как сама Сильвана стремительно покидала крепость верхом на своем мертвом скакуне. Королева банши редко демонстрировала эмоции, так что, когда она

щурилась, сжимала губы и делала резкое замечание, было ясно, что на ее месте какой-нибудь орк закатил бы настоящую истерику.

Другими словами... задание Рензика становилось все интереснее.

Это случилось примерно в обычное время. Началось все вполне предсказуемо: Саурфанг вышел из темной крепости под слепящее полуденное солнце Дуротара с выражением лица, которое с каждым днем становилось для него все более привычным.

Рензик вытер пот со своей лысины. Его агенты сообщали, что Натанос тоже не в восторге от планов верховного воеводы — да и от его манеры общения. «Совсем сбрендил от любви», — подумал Рензик, размышляя о таком странном явлении, как влюбленный мертвяк — так он про себя называл Отрекшихся.

Аж жуть берет.

Едва стоило Рензику подумать о защитнике Темной Госпожи, как хорошо знакомый ему голос гневно прокричал:

— Саурфанг!

Этот голос казался почти живым — но все же что-то в нем было не вполне человеческое. Натанос, даже в своем новехоньком теле, производил схожее впечатление.

Саурфанг и глазом не моргнул. Он быстро шагал к огромным воротам Оргриммара.

— Варок Саурфанг!

О, кажется, теперь Натанос действительно пришел в бешенство. Рензик предвкушал захватывающее представление. Выходя из крепости, Натанос не сорвался на бег, однако было ясно, что удержаться ему было непросто.

— Стража! Задержать его!

Вокруг все моментально замерло. Все взгляды были прикованы к этим двоим. Сейчас вряд ли стоило беспокоиться о ворах — однако Рензик по привычке продолжил следить за своими товарами.

Пару секунд два стражника у ворот даже не шевелились. Затем они хоть и не остановили Саурфанга, но вышли — или, скорее, побрели — ему наперерез. Вид у них был нерешительный и испуганный. Они даже оружие не подняли.

«Да уж, не хотел бы я сегодня оказаться на их месте. Что бы они ни сделали, все равно разозлят кого-то влиятельного».

Саурфанг замедлил шаг, а затем и вовсе остановился. Он пристально взглянул сначала на одного стражника, потом на другого. Ни один не смотрел ему в глаза — оба отвели взгляд и, несомненно, тряслись от страха. Верховный воевода медленно обернулся.

Орки в принципе были гораздо крупнее Отрекшихся и отличались более мощным сложением. А Саурфанг был весьма крупным и сильным орком. В своем новом теле Натанос выглядел, как обычный человек, но рядом с исполинской зеленой фигурой своего противника он казался — Рензик усмехнулся про себя — дворфом.

— Тебе еще никто не разрешал уйти, — рявкнул Натанос.

— А тебя вообще на встрече не было.

Стало тихо. Рензику часто приходилось подслушивать, так что он отлично понял, что это значило. Очевидно, это понимал и Саурфанг. Сощурившись, он продолжил глубоким, рокочущим голосом:

— Не стоит тебе лезть в дела, которые тебя не касаются, Гнилостень. Ты защитник Сильваны, а не верховный воевода.

— При жизни я был следопытом, — сказал Натанос, — единственным человеком, удостоившимся такой чести. Я служил госпоже Сильване тогда и служу ей теперь, и обо многих вещах знаю больше, чем ты можешь вообразить.

— Воображению я не доверяю. Я верю фактам. Числам. Стратегии. Оружью. В этих вещах я хорошо разбираюсь, Гнилостень, и я сражался в настоящих войнах, а ты всегда только и умел, что бляеть, как влюбленный идиот.

Будь он по-прежнему человеком, Натанос, несомненно, покраснел бы до корней волос или побледнел, как полотно. Но живой мертвец лишь застыл как вкопанный, пристально всматриваясь в Саурфанга своими горящими кроваво-красными глазами.

Рензик заметил стоящего неподалеку гоблина в брюках, жилете и шляпе, который брал у подходящих к нему золотые монеты, а взамен выдавал расписки. Разбойник из ШРУ усмехнулся. Возможность быстро заработать настоящий гоблин никогда не упустит. Продолжая наблюдать за разгорающейся ссорой, Рензик боком подошел ближе к новоявленному букмекеру.

— Сто золотых на Гнилостеня, — сказал ему Рензик. Несомненно, все остальные ставили на орка. Однако Рензик провел в компании людей достаточно времени, чтобы понять: они часто побеждают, даже когда все против них, особенно если задета их гордость или самолюбие. Рензик подозревал, что в Гнилостене осталось достаточно человеческого: наверняка задето было и то и другое.

— Я понимаю, что мне полагается хоть немного тебя уважать, *старик*, — обратился к орку Натанос, — вот почему я предпочел сдержаться и просто предупреждаю тебя. Больше *никогда* не уходи от моей госпожи без ее разрешения — или будешь иметь дело со мной.

Саурфанг поступил самым провокационным образом, возможным в этой ситуации. Он рассмеялся.

Затем начал медленно аплодировать.

— Я тоже стараюсь сдерживаться, щенок, — сказал он. — И, как видишь, еще не оторвал твою слишком человеческую для мертвеца голову. Позволь преподать тебе урок. Уважение нужно заслужить, и моего ты еще не заслужил.

— Может, я заслужу его, когда твоя кровь оросит песок Оргриммара.

Саурфанг распрямился настолько, насколько позволяла его сгорбленная орочья спина, и широко развел руки, словно готовясь обнять Отрекшегося.

— Хочешь попробовать — вперед! Только тогда вождю придется искать новую игрушку.

Натанос Гнилостень издал яростный крик — совершенно неожиданный для бывшего следопыта, чем немало удивил и даже ободрил Рензика.

«Я здорово на этом заработаю», — подумал он, в предвкушении потирая руки, когда Отрекшийся бросился в драку с верховным воеводой.

— Подрались? — переспросила Тиранда, не поверив своим ушам. Андуин тоже отнесся к новости недоверчиво. Часовая Кордесса, исполнявшая обязанности ее адъютанта, старалась сохранять невозмутимость.

— Подрались, — подтвердил Шоу. — Автор этого отчета — не кто иной, как мой заместитель.

Андуин окинул взглядом делегатов, собравшихся за столом в дворцовом саду. Верховная жрица Тиранда Шелест Ветра и дренейский пророк Велен прибыли в крепость Штурмграда с официальным визитом, и позже всем присутствующим, несомненно, предстояло отправиться в картографический салон. Но пока что небо над головой и живая зелень вокруг могли хоть немного смягчить мрачный разговор о военной стратегии. Андуин был уверен, что Тиранде и Кордессе решение понравится. Он усердно исполнял обязанности радушного хозяина и добросовестного монарха, хотя раньше не мог вообразить, что в них будет входить обсуждение драки между верховным воеводой Саурфангом и Натаносом Гнилостенем.

В прошлый раз Андуин виделся с Тирандой в Дарнасе, куда отправился, чтобы поблагодарить ночных эльфов за помощь в войне с Легионом и обсудить, как поступить с только что открытым азеритом. Уже тогда все понимали, что Тельдрассил и Экзодар — последние бастионы Альянса в Калимдоре. И Велен, и Тиранда согласились, что меч Саргераса и вещество, поднимающееся на поверхность земли вокруг него, требуют пристального внимания.

— И кто победил? — вопрос, несомненно, задал Генн Седогрив.

— Саурфанг. По словам моего агента, бой был почти равным, хотя это и странно, — ответил Шоу. — Он сказал, что оба противника чуть ли не уползли с места поединка.

— А агент сообщил, наказали за это Саурфанга или нет? — спросил Андуин.

— Нет, — ответил Шоу, — зато Натанос получил выговор.

— Значит, это наконец произошло, — тихо сказал Андуин.

Все взгляды обратились к нему.

— Что произошло? — спросил Генн.

Молодой король обвел взглядом всех собеседников.

— Решение принято. Сильвана встала на сторону Саурфанга, а не своего защитника. Скоро он выступит в поход. Судя по тому, что сообщали нам ваши шпионы, Шоу, Натанос был против. Считал это пустой тратой ресурсов. Разве не так вы выразились?

— Именно так, — подтвердил Шоу.

— Значит, это была последняя капля. Скоро войска Орды направятся в Силитус.

— Эта внезапная спешка... — нахмурился Велен, — к чему она?

С тех пор как Магни рассказал нам всем — и Орде, и Альянсу — об азерите и его истинной природе, прошло немало времени. Зачем выступать именно сейчас? Может, Саурфанг что-то узнал?

— Возможно, старый вояка просто истосковался по битвам, — предположил Седогрив.

— Нет, — возразила Тиранда, — Саурфанг неглуп и не будет разбрасываться ресурсами и армией, чтобы потешить самолюбие. Если он так настаивал на этом походе, должна быть важная причина.

— Готов поспорить, в Орде узнали, как делать из азерита оружие, — сказал Седогрив.

— Я бы не рискнула с тобой спорить, король Седогрив, — Тиранда перевела свой сияющий взгляд на Андуина. — Ты прав, король Андуин. Обстановка действительно накаляется. Когда я получила твое последнее письмо, то приказала генералу Оперенной Луне готовиться к прибытию войск. Если вы все согласны, я готова отправить их в Силитус немедленно. Они смогут добраться туда раньше Орды.

Андуина словно холодом обдало. У него заныло под ложечкой. За свою короткую жизнь он многое повидал, вынес и потерял, но еще ни разу он не стоял на осыпающемся краю пропасти, на дне которой шла затяжная, разрушительная война. Оружие, войска, солдаты, разбойники, бомбы, яд, резня... Добавь к этому азерит — и кто предугадет, какая реакция произойдет в этой смертоносной взвеси? Десятки, а может, и сотни тысяч погибнут, если разразится эта война.

Андуин с усилием сглотнул и вдруг понял, что все остальные смотрят на него. Он не знал, благодарить ли Тиранду или сердиться на нее. За ее плечами тысячи лет войны, но сейчас она не произнесла эти пугающие пять букв. «Я готова отправить их», — сказала она. Слова она подбирала так же точно и обдуманно, как целилась из лука. Ясно было, что право отдать приказ она предоставляет Андуину.

А это был бы первый шаг к неминуемой войне — ведь Андуин не мог представить, чтобы Варок Саурфанг вел свои войска, не намереваясь бросить их в бой.

Неужели именно из-за этого поссорились старый орк и защитник Темной Госпожи? Потому что Сильвана не хотела войны с Альянсом? Он сразу же отбросил эти прекраснотушные мечты о всеобщем мире. Только ребенок мог бы питать такие надежды. Раз за разом Сильвана Ветрокрылая доказывала — так решительно, что иначе ее поведение толковать было нельзя: ей не терпится развязать эту войну.

Он облизнул внезапно пересохшие губы и глубоко вздохнул.

«О Свет, молю, укажи мне верный путь».

— Прикажете своим войскам выступать, верховная жрица, — сказал Андуин владычице ночных эльфов. Его удивило, как уверенно и весомо прозвучал его голос. Свет действительно направлял его — он с легкостью нашел и произнес нужные слова. — Отправьте их на защиту Альянса. Если Орда действительно решила захватить Силитус, то мы заранее укрепим наши позиции. Выбор стратегии я оставляю за вами. Я бы предпочел разведку и сдерживание.

— Как и я, король Андуин. Война — это трагедия. — Голос Тиранды дрожал, но не от страха — она не боялась. Она лишь больше знала об ужасах, которые Андуину никогда не суждено было полностью понять, даже если он доживет до ста лет.

Повернувшись к Велену, она вопросительно подняла бирюзовую бровь. Андуин сочувствовал ему. Дренеям довелось воевать едва ли не больше, чем Тиранде.

Велен тяжело вздохнул:

— Я надеялся хотя бы на несколько лет мира после победы над Легионом. Но я согласен с вами обоими. Отправь свои войска, верховная жрица. И будем молиться, что им не придется сражаться.

Итак, решение было принято.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПРИЗЫВ К БОЮ

*Трубят охотница в свой рог!
Зовет на битву песня нас!
Не выбираем мы дорог
И смерти нашей мрачный час...
Колодец в лунном свете золотится,
Вошебная вода струится...
Трубят охотница в свой рог,
И мы на зов его идем...*

Кордесса шла подле верховного друида Малфуриона Ярости Бури по храмовым садам. Тиранда решила остаться в Штормграде, чтобы вместе с Веленом, Андуином Ринном и Генном Седогривом обдумать долгосрочную военную стратегию. Верховная жрица поручила Кордессе вернуться в Дарнас и сообщить Малфуриону о последних событиях.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как верховный друид вернулся к своему народу из Изумрудного Сна, но к его присутствию все еще не привыкли.

Ему не было равных — Малфурион Ярость Бури был величайшим друидом в истории ночных эльфов. Он достиг такой гармонии с природой, что прочная связь с ней преобразила его облик. Голову великого друида украшали оленьи рога, могучие мускулистые руки покрылись перьями и стали похожи на крылья, а ступни напоминали лапы огромной дикой кошки.

Как сама природа, великий *шан'до* — учитель — мог и приласкать, и наказать. Но сильная воля и могучий интеллект всегда позволяли ему выбирать, какую из этих сторон показывать миру.

С Кордессой, собиравшей вместе с ним целебные травы, он говорил спокойно и ровно.

— Ты недавно из Силитуса... — Малфурион наклонился над кустом серебрилиста, сорвал листок, растер между пальцами и вдохнул его свежий, бодрящий аромат. Дотронувшись до растения другой рукой, он прошептал слова

благодарности. Стебель тут же дал три новых листка; Малфурион возместил жертву, принесенную растением, в тройном размере.

Кордесса тоже растерла лист, чтобы вдохнуть его аромат, и улыбнулась, почувствовав, как ее сердце наполняет спокойствие, а мысли становятся яснее. Многие часовые часто путешествовали по всему Азероту, но Кордесса редко покидала Дарнас, и ее это устраивало. Она никогда не пренебрегала своими обязанностями и не страшилась сражений. Когда того требовала служба, ей случалось проводить годы вдали от своего народа. Но ее дом был здесь, рядом с Тирандой и Малфурионом, в Дарнасе. В путешествиях она всегда тосковала по безмятежности его храма и садов.

Она сорвала цветок магорозы и, любясь темно-розовым оттенком лепестков, снова заговорила. — Я уже сказала моей госпоже и остальным в Штурмграде, что не заметила ничего, что могло бы объяснить интерес Орды к Силитусу. И уж точно ничего, что могло бы заставить Саурфанга так упорно идти против вождя. Я видела только целые полчища гоблинов, вознамерившихся добывать азерит и убивать чужаков.

— И тебе не показалось, что гоблинов внезапно стало больше?

— Нет, ничего подобного я не заметила. Конечно, они постоянно нападают, но исподтишка. И значительного увеличения их числа не заметила... Или чтобы они стали лучше вооружены. В общем, на скорое прибытие ордынской армии ничего не указывало. Конечно, если моя госпожа и король Штурмграда верно предполагают, что Орда научилась превращать азерит в оружие, все это вполне логично.

Малфурион остановился перед лужайкой, усыпанной мироцветом, и произнес, глядя на белые цветы: — Я позабочусь о том, чтобы приказ Тиранды об отправке войск в Силитус был исполнен. Ради этого я отзову часовых и других опытных воинов с их здешних постов, чтобы они пополнили ряды нашей армии.

— Понимаю, шан'до.

Друид печально улыбнулся.

— Среди тех, кто получит новое назначение, будешь и ты, часовая Вересковый Лук. Боюсь, мне придется попросить тебя вернуться в Силитус. Войска должен сопровождать тот, кто знает эту местность.

«Ненадолго же мне довелось вернуться».

— Так точно, — ответила Кордесса. — Когда прикажете отправляться?

— Ты должна отбыть на первом же корабле.

Она кивнула. Вдруг в голову ей пришла тревожная мысль.

— Мы с часовой Летней Луной много сражались плечом к плечу. Я была бы рада снова видеть ее в числе своих соратников. Позволь спросить, ее ты тоже собираешься перевести на другой пост?

— Да, — ответил верховный друид, — но не в Силитус. Когда корабли начнут отбывать, в Ясеновом лесу освободится много постов. Занять их я попрошу Летнюю Луну и других часовых.

«Мы совсем мало побыли вместе, — подумала Кордесса, но быстро взяла себя в руки. — Такова жизнь часовых».

— Успею ли я попрощаться с членами Лиги исследователей?

— Конечно. Но не задерживайся надолго, — сказал Малфурион.

Это было больше, чем ожидала Кордесса, и она склонила голову в знак благодарности:

— Спасибо, шан'до.

Малфурион протянул ей кожаный футляр для свитков:

— Спроси своих друзей-дворфов, не смогут ли они захватить в Штормград по пути в Стальгорн. Я буду очень признателен, если они доставят эти послания Тиранде и Андуйну. Спасибо тебе. И да благословит тебя Элуна.

«Да благословит она всех нас, — подумала Кордесса, — если нам предстоит война с Ордой».

Часовые молча шли к утопающему в зелени уединенному уголку рядом с храмом, где обитали высокорожденные эльфы — единственные, кто в Дарнасе занимался тайной магией. Лишь с недавних пор калдорай допускали в город своих высокорожденных собратьев. К ним относились настороженно, однако их присутствие принесло ценный дар: порталы позволяли избегать долгих плаваний небольшим группам вроде выживших участников экспедиции, которые и так уже перенесли немало невзгод.

А еще они позволяли быстрее передавать важную информацию. В военное время это могло иметь решающее значение.

— Я надеялась подольше побыть с тобой, — сказала наконец Кордесса шедшей рядом Деларин, — но, кажется, у наших полководцев другие планы.

Деларин пожала плечами.

— Мы отправляемся туда, где мы нужнее всего.

В ожидании открытия портала дворфы не скучали. Главный археолог Седоус, тоже входивший в Лигу исследователей, завел с коллегами оживленную беседу. Три мага — Тарелвир, Дайрара и Мейлир — снисходительно улыбались, глядя на них. Лица дворфов выражали умиротворение, и Кордесса обрадовалась.

— Гэввин Крепкорук, Инге Железный Кулак и Арвис Чернокамень, — обратилась она к ним, — я никогда не смирюсь с тем, что не смогла привести домой ваших спутников. Простите меня за это поражение.

Гэввин ласково посмотрел на нее.

— Милая, — ласково промолвил он, — это жестокий мир. Мы с тобой это знаем. Все, кто вступает в Лигу исследователей, тоже знают. Мы готовы рисковать, иначе спокойно сидели бы дома — в кресле у очага, с пинтой эля в руке. Они знали, на что идут. А если бы не вы, часовые, как знать, может, мы все бы сгнули в этих треклятых песках.

— Благодарю тебя. Я хотела проводить вас в ваш прекрасный город и наконец-то увидеть его своими глазами, но у меня приказ: как можно скорее вернуться в Силитус. Мы надеемся, что вы будете последними путешественниками, кому довелось пострадать от рук Орды в тех землях.

Гэввин удивился:

— Тебя отправляют обратно? Так быстро?

— Слишком много гоблинов забыли о мощи Альянса, — сказала Деларин, и Гэввин улыбнулся в ответ.

— Могу я попросить тебя об одолжении? — спросила Кордесса.

— Только скажи, милая моя, и будет исполнено, — сказал Гэввин.

Кордесса протянула главе дворфийских исследователей футляр со свитками, который ей дал Малфурион.

— Наш шан’до Малфурион Ярость Бури просит доставить эти письма в Штормград, прежде чем вы вернетесь в Стальгорн. Они адресованы госпоже Тиранде и королю Андуйну, которые наверняка захотят что-то передать вашему Совету Трех Кланов.

Гэввин бережно взял свитки.

— Служить курьером для таких славных владык большая честь.

Взглянув на нее из-под своих кустистых бровей, дворф хмыкнул. Он приподнялся и неловко погладил ее руку.

— Что ж, береги себя, храбрая красавица. И не забудь передать этим гоблинам пару тумаков от Гэввина Крепкорука.

Кордесса улыбнулась.

— Ты проявил великое мужество. Сражаться рядом с тобой было честью для меня, — она отсалютовала, приложив кулак к плечу.

Маг Дайрара уверенно сделала несколько быстрых и грациозных жестов, и рядом с ее стройной фигурой появился круг света. В нем мерцал силуэт Штормграда.

— Да озарит вас свет Элуны, — произнесла Кордесса.

— Пива рекой тебе на всю жизнь, — ответил Гэввин.

Кордесса не смогла удержаться и рассмеялась, а Гэввин подмигнул в ответ. Друг за другом дворфы зашли в портал и исчезли.

— Благодарю тебя, — сказала Кордесса магу и улыбнулась археологу Седоусу, который в ответ уважительно приподнял шляпу. Она кивнула Деларин, и вместе они вышли на одну из мощеных белым камнем тропинок, петлявших по великому эльфийскому городу.

— Когда ты уезжаешь? — спросила Деларин.

Кордесса печально улыбнулась.

— Мы обе должны отбыть в ближайшие несколько часов. В гавани меня ждут товарищи, с которыми я отплыву в Фералас, а ты — увидишь тех, с кем отправишься на Темные берега, а затем в Ясневый лес.

Лицо младшей ночной эльфийки вытянулось.

— Понятно. Дай угадаю — часовых старше по званию отправляют в Силитус, а оставшиеся займут их посты.

— Именно так.

Деларин вздохнула.

— Кордесса, я тебе завидую.

— Не стоит. Силитус — место очень неприятное.

— По крайней мере, ты будешь делать что-то важное. Отправиться в Ясеновый лес — все равно что в ссылку.

Кордесса улыбнулась.

— Там красиво и спокойно...

— И скучно.

— А ты помнишь, что теперь тамошним гарнизоном командует Анарис Лесной Ветер? — спросила Кордесса. — Ты сможешь учиться у лучших.

Услышав это имя, Деларин повеселела. Анарис Лесной Ветер была героем нескольких войн. Последняя из них пришлось на времена Катаклизма. Когда-то Приют Серебряного Ветра был таким же важным аванпостом в Ясеновом лесу, как и Астранаар. В те времена название очень ему подходило: это был гостеприимный городок с вполне уютной таверной. Но все изменилось, когда Катаклизм нарушил царивший в природе порядок — а за ним последовало нашествие орков.

Орки не пощадили ни часовых, ни мирных жителей. Кордесса сама этого не видела, но слышала, что орки преследовали беженцев и оставляли их трупы гнить вдоль дороги — как жуткое предупреждение всем, кто помыслит отбить у Орды Приют Серебряного Ветра.

Вернуть этот пост ночным эльфам удалось, только когда Анарис прибыла туда с небольшой армией часовых. С тех пор Приют Серебряного Ветра снова стал их главной базой в Ясеновом лесу.

— Анарис Лесной Ветер, — прошептала Деларин благоговейно, — не знала, что после своей победы она осталась там! Уверена, что она многому меня научит. Но в любом случае, Кордесса, пока тебя не будет рядом, я буду усердно тренироваться. Может, когда придет время отплывать последнему кораблю в

Фералас, верховный друид и верховная жрица сочтут меня достойной взойти на него. И нам все-таки доведется сражаться вместе!

Рвение подруги умилило Кордессу, но ее радость быстро угасла.

— Возможно, тебе не придется ждать долго. Силитус может стать первым полем битвы в новой войне.

— Точнее, в новом витке старой, — сказала Деларин, быстро посерьезнев, как ее подруга. — Береги себя.

Они крепко обнялись. Через мгновение Кордесса отстранилась.

— Я беру с собой мало вещей, — сказала она. — Думаю, пойду к доку длинной дорогой. Мне придется снова терпеть эту ужасную пустыню, и я хочу получше запомнить зелень, плеск воды и покой.

Кивнув подруге в последний раз, Кордесса повернула к Террасе Торговцев, вместо того чтобы направиться прямо к укротителю гиппогрифов.

Деларин смотрела вслед Кордессе, пока та не скрылась из виду.

Обе они были часовыми, ветеранами, закаленными в стольких боях и даже войнах, сколько большинство менее древних рас даже не помнило. Как в рядах Альянса, так и среди ордынцев бытовало мнение, что долгая жизнь калдорай избавляет их от страха перед смертью. Но разве может наскучить жизнь — радость, смех, любовь, молитвы и чудо? Разве может надоест быть одним из калдорай?

Конечно же, это было невозможно. И с каждой битвой, с каждым ударом все это становилось еще ценнее. Потому что в конце концов смерть могла прийти даже за эльфами. Каждая битва, каждая рана, после которых ночной эльф оставался жив, приближали неизбежный час гибели.

Но даже в жизни солдата были радости. Была дружба с боевыми товарищами. Была любовь или ее подобие — к тем, с кем случилось провести день, год, десять лет, но почти никогда всю жизнь.

И обожаемые герои, с которых можно было брать пример.

Вскоре Деларин Летней Луне предстояла встреча с такой героиней.

«Любовь моя!

Я скучаю по тебе — и по запахам, видам и звукам нашего родного города, однако в Штормграде мне удастся сделать много полезного.

Уже давно — кажется, слишком давно — между нашим народом и другими расами Альянса не было такого согласия в вопросах стратегии. Ценность азербита, как и нашего мира в целом, слишком велика, и мы должны воспользоваться любой возможностью защитить его. Что за ужасы могут создать Сильвана и ее Отрекшиеся? Какое грозное оружие могут изобрести гоблины, орки или тролли? Я рада, что последний отряд защитников отбыл в Фералас и что наша армия готова выступить немедленно.

Хотя я питала глубокое уважение к покойному королю Вариану, должна признаться, что по поводу юного Андуйна у меня были сомнения. С радостью сообщаю тебе, что с каждым днем он все яснее показывает себя достойным преемником своего отца. Он еще очень молод — но ведь нам многие кажутся юнцами. И при этом он или мудр, или — что, возможно, еще важнее — прислушивается к мудрым советам. Такая приятная и удивительная мысль: что во главе четырех народов — нашего, людей, дренеев и дворфов — стоят жрецы.

Однако даже когда мы готовимся к войне, Андуйн питает надежду на прочный мир. Утратить невинность всегда тяжело, но мудро править можно, только полностью расставшись с иллюзиями.

Я рада, что мне представился шанс научить его всему, что знаю сама, и я рада, что он готов учиться у меня.

Жду дня, когда мы снова сможем обняться, мой Малфурион».

«Наверное, со своими героями лучше никогда не встречаться», — размышляла Деларин, прогуливаясь в тени раскидистых деревьев Ясеневого леса.

Вчера часовая Ваннара тихонько сказала ей:

— Помню, кто-то говорил, что Анарис стреляет не хуже Шандрисы Оперенной Луны, но обаяния у нее не больше, чем у сатира.

— Сказавший это ей еще польстил, — иронично ответила Деларин. Несомненно, пост командира гарнизона Ясеневого леса был весьма почетным, но Деларин недоумевала, почему Анарис Лесной Ветер не отправили в другое место. Она не сражалась с Легионом на Расколоте берегу и не бывала в землях Орды. Даже в это тревожное время ее не послали в Силитус. Но почему?

Теперь Деларин понимала — почему.

Выглядела Лесной Ветер как образцовый командир. Деларин редко доводилось встречать часовых выше ростом и сильнее, чем Анарис. У нее были лиловые волосы и светло-голубая кожа, но больше всего внимания в ней привлекало лицо.

Ночные эльфийки обычно наносили на лица узоры после какого-то важного события, которое считалось обрядом посвящения. Чаще всего выбирали стилизованные следы когтей, но Анарис Лесной Ветер в них не нуждалась. Когда-то на нее напал ящер одного из троллей и оставил ей настоящие шрамы. Глубокие борозды пересекали лицо сверху донизу, от верхней части лба до подбородка. Милостью Элуны ящер оставил целыми глаза. Анарис решила не избавляться от шрамов. Напротив, она гордилась ими и называла их «истинной меткой души».

Недостаток внешней красоты она компенсировала яростью — и, думала Деларин, своей манерой общения.

При первой встрече с ней Деларин опрометчиво начала разглядывать шрамы — следы неудачной попытки ящера оставить Анарис без головы. Деларин доводилось слышать эту историю, но когда она увидела результат схватки своими глазами, это произвело не нее сильное — и не совсем приятное — впечатление. Прежде чем ей удалось овладеть собой, с ее губ сорвался сочувственный вздох. Судя по тому, как посмотрела на ее спутниц командир, оплошала не только Деларин.

Изуродованная губа Анарис скривилась в ухмылке.

— Только что из Дарнаса, так?

Деларин переглянулась с другими часовыми — тон приветствия ее удивил.

— В данный момент — да, но многие из нас служили и в других местах, — начала Деларин.

Анарис оборвала ее, с раздражением махнув рукой.

— Вас выбрал верховный друид, значит, сражаться вы умеете. Нельзя стать часовой, не пролив кровь в битве.

Однако по ее тону было ясно: она считала, что служившие в спокойном и прекрасном Дарнасе сильно уступали остальным часовым.

— Итак, лейтенант Деларин Летняя Луна. Похоже, теперь ты моя помощница.

— Я служила с...

— Это неважно. Главное, что теперь ты служишь под моим началом. Поэтому ты будешь исполнять мои приказы и следить за субординацией, — Анарис обвела взглядом всех часовых. — Это задание будет сложнее, чем вы думаете. По приказу из Дарнаса число часовых, служащих в Ясеновом лесу, сократилось вдвое. Резкое истощение наших сил придаст решимости нашим врагам — воры и головорезы станут чаще нападать на местное население и одиноких путешественников. Мы должны защитить их. Безопасность каждого мирного жителя — наша ответственность! Мне остается только надеяться, что задание вам под силу.

Повисла неловкая тишина. Деларин постаралась вспомнить безмятежный покой храма, но безуспешно.

Да и позже у нее не слишком хорошо получалось. Дни и ночи, полные унижительных испытаний, тренировок и муштры, казались бесконечными. Дарнаским часовым — тем, кому было доверено защищать сердце и душу земель калдорай — приходилось постоянно доказывать право носить свое звание. С ними обращались, как с неопытными новобранцами.

Все это было нелепо. Сообщения, которые им поручали срочно доставить, были пустяковыми — так говорили адресаты. Даже мирные жители, которых им нужно было защищать, смотрели на вновь прибывших с жалостью — и Деларин с трудом это выносила.

Но ей ничего больше не оставалось, ведь часовой — это солдат, а солдаты должны выполнять приказы. Иначе все бы погрузилось в хаос. Деларин с тоской вспоминала свои ученические годы, первые несколько битв, Кордессу, Шандрису и Тиранду. Потом, стиснув зубы, она делала то, что приказывали.

Быстрым шагом она возвращалась в Приют Серебряного Ветра из башни Звездной Пыли. Лил сильный дождь, и с каждым шагом ее сапоги все глубже

проваливались в грязь. Деларин дрожала от холода, ее темно-синие волосы совсем промокли и липли к коже. Сильнее всего ей хотелось выпить чего-нибудь горячего. Где-то у сердца она прятала от дождя абсолютно непримечательный отчет, в котором не было совершенно ничего интересного. Ей самой о таком надежном укрытии приходилось только мечтать.

Вдруг за спиной Деларин кто-то гулко прорычал и затем запыхтел. Она замерла на месте.

Вообще ночные эльфы мирно сосуществовали с животными, которых считали своими дикими собратьями. Поэтому, оборачиваясь, Деларин заговорила успокаивающе и уважительно:

— Брат-медведь, приветствую тебя. Мы... Феррин?

Медведь присел на задние лапы и издал странный, почти блеющий звук, который, несомненно, был смехом. Он изменил облик и в следующее мгновение на его месте стоял высокий ночной эльф со светло-голубой кожей и длинными, растрепанными волосами цвета мха. Как и Деларин, он промок до нитки.

— О, Дел, — произнес Феррин теплым, звучным голосом, глядя на нее яркими, смеющимися глазами, — ты всегда попадаешься на эту шутку.

Деларин раздраженно вздохнула.

— Когда-нибудь я сперва выстрелю.

Он взглянул на нее с деланным ужасом:

— Ты? Нарушишь протокол? Никогда.

Она отвернулась и продолжила свой путь к Приюту Серебряного Ветра. Легко нагнав ее, Феррин зашагал рядом. Они шли тихо — не разговаривали, и даже звуки их шагов приглушали мокрая земля и трава.

Как же легко идти рядом с ним даже после стольких лет разлуки.

Но так они всегда чувствовали себя вместе.

Сквозь перчатку она ощутила осторожное прикосновение его пальцев — он готов был отдернуть руку, если ее пальцы останутся неподвижны. Но она ответила на касание. Конечно же, она ответила. Деларин и представить не могла, чтобы случилось иначе. Их служба — как, честно говоря, и их характеры — не давала им оставаться вместе надолго, но волею Элуны они всегда сходились снова.

И вот Деларин крепко взяла его за руку.

— Как ты сюда попал? — спросила она.

— Я мог бы спросить у тебя то же самое, — ответил Феррин.

— Меня перевели на другой пост, — ответила Деларин. Ей не было точно известно, что он уже знает и что можно ему рассказать.

— Меня тоже, — сказал он. — До этого я служил в Оскверненном лесу. Многих моих братьев и сестер отправили на юг.

Он пристально взглянул на нее.

— Куда-то, где полно песка.

Деларин почувствовала облегчение. Он уже знал.

— Ах, — сказала она, — я не люблю песок.

— Я тоже. Он забивается в мех и перья.

— И под доспехи.

— Ты разочарована?

Милостивая Элуна, он знал ее слишком хорошо!

— Кордессу отправили туда. К сожалению, мне достался пост здесь.

— Мне тоже сначала не нравилось выполнять эти приказы. Но теперь я думаю, что... Не так уж плохо все сложилось.

Сколько времени прошло с тех пор, как Феррин помогал ей бороться с энергией Скверны, искажавшей когда-то прекрасные уголки Ясеневого леса? Десять лет? Двенадцать? С их сотого — или даже тысячного — прощального поцелуя прошло по меньшей мере десять.

Впервые после своего прибытия в Ясеневоый лес Деларин почувствовала, как напряжение отступает. Феррин был прав. В конце концов, все сложилось не так уж плохо.

Утомленные Деларин и Феррин, обнявшись, дремали на уединенной опушке. Сквозь листву на них струились солнечные лучи.

Феррин услышал, как наверху скрипнула ветка. Усилием мысли он принял облик ночного саблезуба. Обостренное обоняние указало ему путь, и он прыгнул вверх прямо к гоблину, от вони которого у него чуть не заслезились глаза.

На уродливом зеленом коротышке было мало брони. Он был даже без рубашки — очевидно, считал, что цвет его кожи позволит скрыться среди густой листвы. Рискованное решение, которое себя не оправдало. Легким взмахом лапы Феррин выбил из рук убийцы оба клинка, а затем разорвал ему горло своими длинными и острыми клыками.

В то же мгновение череп гоблина пронзила стрела Деларин. Феррин не мог решить, кто из них убил несчастного первым. Друид спрыгнул с дерева и последовал за Деларин, которая уже неслась со всех ног в Приют Серебряного Ветра. Он лишь повел ухом, когда дважды мертвое тело гоблина глухо ударилось о землю. Нагнав Деларин, он обернулся к ней, и их взгляды на мгновение встретились. Лицо Деларин искажил тот же ужас, что сковывал его сердце.

На полпути в Приют они слышали, как рог трубит тревогу.

Они опоздали. На Приют напали.

В смятой траве им стали попадаться трупы огромных саблезубов — прекрасных существ, ставших для калдорай верными ездовыми животными. Ближе к Приюту они увидели тела самих калдорай... и воинов Орды.

Деларин сделала резкий вздох — сейчас большего при виде мертвых друзей она себе позволить не могла. На многих телах ночных эльфов ран заметно не было, но клинки, которые сжимали их мертвые убийцы, красноречиво объясняли случившееся. Некоторые лезвия были черными от яда.

Гоблин, которого убил Феррин, был не один.

Деларин и Феррин вместе вбежали в таверну. И там пол был усеян трупами. Некоторые еще вздрагивали под руками целителей, лихорадочно пытавшихся им помочь. На перилах сидел иссиня-черный буревестник.

Деларин напряглась, заметив приближающуюся к ней Ваннару. Лицо часового было мрачнее тучи.

— Этот друид принес вести из Приюта в Ночных Лесах, — кивнула она в сторону буревестника, — на него тоже напали. Как и на башню Звездной Пыли. Ордынские убийцы атаковали все наши посты одновременно, но с тех пор как мы их перебили, все стихло. Кажется, все позади.

Она замялась.

— Дел... — наконец продолжила Ваннара, — что происходит?

— Не знаю, — ответила Деларин, так же сбитая с толку, как и она. —
А где командир?

— Ушла в учебный патруль с дюжиной часовых.

— И сколько их уже нет?

— С полуночи.

Их взгляды встретились. Деларин захлестнула внезапная волна ненависти. Плановые патрули обычно состояли лишь из нескольких часовых — как правило, из четырех-пяти. Если бы Анарис Лесной Ветер меньше думала о том, чтобы сбить спесь с дарнассских часовых, в Приюте могло остаться достаточно воинов, чтобы спасти чью-то жизнь. Однако от резких слов она удержалась — они бы не вернули погибших.

— Куда они пошли?

— Она не сказала.

В руку Деларин ткнулась кошачья голова Феррина. Ну конечно! Он мог выйти на след Анарис.

Деларин благодарно взглянула на него.

— Не теряйте бдительности, могут последовать новые нападения.
Продолжайте лечить раненых. Мы с Феррином найдем ее.

Она зашла в комнату командира и нашла там льняную рубашку. Друид учуял запах, затем приник к земле и взглянул на нее. На мгновение Деларин застыла в нерешительности. Друиды не были животными. Они не разрешали ездить на себе верхом. Но оба знали: разбойники перебили ночных саблезубов, чтобы выжившим пришлось передвигаться пешком. А пеший путь занял бы слишком много времени.

— Спасибо, — смущенно сказала Деларин, прежде чем забраться на спину иссиня-черной кошки. Она крепко держалась, пока Феррин, прижав уши от ярости, несся по следу командира Анарис Лесной Ветер.

Ее отряд они нашли в нескольких милях от лагеря. К изумлению Деларин, часовые занимались даже не патрулированием. Анарис выкрикивала приказы, заставляя их абсолютно синхронно маршировать. Все часовые были прекрасно обученными солдатами и находились в превосходной форме, но очевидно было, что они долго оставались без отдыха и их силы иссякали.

«Она увела сюда своих лучших часовых и загнала их до изнеможения, в то время как те, кого она поклялась защищать, погибли мучительной смертью».

— Командир! — крикнула Деларин, — командир! На нас напали!

Анарис резко обернулась к ней. Ее изуродованное лицо залилось краской от гнева. Скользя взглядом по Феррину, она потребовала:

— Поясни.

Часовые остановились. Стоило им услышать о настоящей опасности, как их усталость отступила. Они целиком обратились во внимание.

— Разбойники из Орды, — сказала Деларин. — Их было несколько. Сначала они убили саблезубов, чтобы мы не могли отправить гонцов с вестями. Многие погибли. Ваннара говорит, что пришли вести с других наших аванпостов в Ясеновом лесу, где случилось то же самое.

Мгновение Анарис молча смотрела на нее, затем развернулась к часовым.

— Чего стоите как вкопанные? Ты, беги в рощу Среброкрылых! Узнай...

Феррин хрипло и свирепо зарычал, но было уже поздно. Чувствуя, как он напрягся, Деларин соскочила с него, но Отрекшийся уже бросился вниз с нависавшей над ними ветви.

Упал он прямо на спину Анарис. Его парные клинки вонзились в нее еще до того, как та рухнула на землю. Двигаясь намного быстрее, чем положено мертвецу, убийца вскочил на ноги. Один из его клинков молниеносно перерезал горло Маруа, чуть не отрубив ей голову.

С яростным воем Феррин бросился к Отрекшемуся, а Деларин — медленнее, чем ей хотелось бы — достала стрелу и прицелилась из лука. Краем глаза она заметила, как появился еще один разбойник — эльф крови.

Его длинные золотистые волосы развевались за спиной, как плащ, с каждым смертоносным выпадом его клинков. Казалось, не прошло и нескольких секунд, а уже полдюжины ночных эльфиек истекали кровью и корчились от боли на зеленой лужайке.

Наконец часовые пришли в себя и перешли в атаку. Эльф крови тут же исчез, но это было не важно. Хотя трусливый ордынец и сбежал, они еще могли его настигнуть. Целясь между деревьями, они выпустили целый дождь стрел, но ни одна из них не попала в разбойника. Син'дорай скрылся.

Отрекшемуся повезло меньше. Эриаднар бросилась к нему, доставая меч. Она полоснула клинком по всему телу убийцы и отсекала ему руку. Подскочивший Феррин пригвоздил его к земле, однако проявил удивительную выдержку и не стал перегрызать Отрекшемуся горло.

Анарис Лесной Ветер неподвижно лежала на траве. Глаза ее были открыты, но взгляд потух.

— Командир? — нерешительно обратилась к ней Эриаднар.

— Она мертва, — резко ответила Деларин. Она все еще сердилась на Лесной Ветер, но понимала, что командиру ее гнев теперь был безразличен.

— Деларин, — тихо сказала Эриаднар, — теперь ты наш командир.

И Деларин приняла командование. Так странно это звучало. Деларин поехала и подошла к пленнику. Ее взгляд упал на клинки, которые тот выронил, — они были покрыты кровью Анарис. Она осторожно подняла один из них и кивнула Феррину. С угрожающим рыком он отошел от поверженного врага.

Деларин обратила взгляд на мертвеца.

— Говори, Отрекшийся! — выкрикнула она, вложив в слова всю свою боль и ярость, — и, может, я оставляю тебе жизнь.

— Жизнь? — прохрипел он в ответ жутким глухим голосом, характерным для его народа. — Я уже давно расстался с жизнью, эльфийка.

— Язык у тебя еще на месте. А считать ты не научился? — она указала на его израненное тело. — Одной руки уже нет. Могу лишить тебя второй. Или давай начнем с малого. У тебя еще осталось пять пальцев. Скажи мне что-нибудь полезное, мертвец, или у тебя их будет четыре.

Не дождавшись ответа, она опустилась на колени, схватила его за запястье и поднесла клинок к его руке.

Он сердито зашипел:

— Я буду говорить!

«Значит клинок все-таки отравлен. Знает, что ему не жить, но такую боль терпеть не хочет».

— Скажи, какие приказы ты получил.

Губы мертвеца скривились, обнажив пожелтевшие зубы. Он рассмеялся, и Деларин обдало его зловонным дыханием. К горлу подступила тошнота, но усилием воли она сдержала гримасу отвращения.

— Я думал, ты догадалась уже, — сказал он. — Что, всех умных мы сразу убили? Ой, совсем забыл, что умных ночных эльфов не бывает. Кстати, другому командиру тролль отрезал уши. Сережки из них сделал.

Деларин знала, что это, скорее всего, правда. Но на провокацию не поддалась.

— Здесь нет валь'кир. Никто не возродит тебя, если я воткну клинок тебе в глотку.

Деларин оглядела кинжал.

— Что это за яд? — светски спросила она. — Наверное, вызывает мучительную боль — вам, Отрекшимся, такие нравятся. Ну же, рассказывай, и поскорее, а то я решу, что ты тянешь время и тебе сказать нечего, — ее голос был холоден и спокоен.

— Какой пленник не стал бы тянуть время? Существование — большая ценность. Это знаем даже мы.

Это былой правдой. Ночные эльфы питали ко всякой жизни глубокое уважение. Они не пытали пленников, а убийства без крайней необходимости печалили их.

Однако чудовища вроде Отрекшихся внушали им отвращение.

Что-то внутри у нее словно окаменело. Деларин поднесла лезвие почти вплотную к указательному пальцу мертвеца.

— Не стоит... испытывать... мое терпение.

Лицо разбойника изменилось, когда он понял, что это не пустая угроза.

— Вам не победить, — сказал он, — мы повсюду. Десятки таких, как я, вооруженные клинками со смертельным ядом, пробрались на все ваши посты. Мы застали ваших хитроумных охотников, ваших хваленых часовых, ваших знаменитых друидов врасплох.

Деларин вспомнила друида, который прилетел в Приют Серебряного Ветра с печальными вестями. Некоторые посты действительно сообщили о неожиданной атаке. Но Отрекшийся как будто что-то не договаривал.

— Ты блефуешь, — огрызнулась Деларин. — Что вы затеваете? Орда выступает на Силитус. Зачем сворачивать в Ясеновый...

И тут она все поняла. Ответ был очевиден. Ей показалось, будто ей в живот вонзили нож.

Флот ночных эльфов направлялся в Фералас.

Тиранда гостила в Штормграде.

— Вы освобождаете путь, — в ужасе пробормотала она.

Отрекшийся лишь рассмеялся в ответ. Деларин занесла над ним клинок, но смех Отрекшегося уже превратился в хриплый кашель. Из его горла брызнула слизь, и он затих. И тут он обвел ее вокруг пальца: раны отняли его нежизнь прежде, чем это сделала она.

Но это ничуть не задело Деларин — как и весь допрос, на который ушли бесценные минуты. Уже без того потеряно достаточно времени.

Вскочив на ноги, она спросила:

— Эриаднар, ты ранена?

— Нет, командир.

— Тогда беги, сестра, — приказала Деларин. — Не вступай в бой. Не останавливайся. Прячься, если придется. Но доставь в Дарнас эту весть. Скажи Малфуриону, что сюда идет армия.

Феррин снова принял облик калдорай.

— Я долечу быстрее, чем она сможет бежать, — предложил он.

Деларин покачала головой.

— Для тебя у меня другое задание. Иди же, Эриаднар. Да озарит тебя свет Элуны.

Глядя на нее широко открытыми глазами, эльфийка кивнула и, повинувшись приказу, устремилась прочь, словно пущенная из лука стрела.

Деларин повернулась к Феррину.

— Отправляйся на разведку в Степи. Сюда идут войска Орды. Нужно выяснить, сколько у нас времени до их прихода. Двигайся вперед, пока не увидишь противника. Не вступай в бой без необходимости. Остайся в живых и вернись с новостями.

Он кивнул. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. В словах не было нужды. Они уж так много раз уходили в бой — когда вместе, когда нет. Теперь они снова попали на войну.

Они одновременно шагнули друг к другу и слились в долгом поцелуе. Затем молча разошлись исполнять свой долг.

Феррин не знал об этом, но всякий раз, когда они расставались, Деларин молилась Элуне, чтобы с ним ничего не случилось. Сейчас она снова просила о милости. Но в первый раз в ее сердце закралось сомнение в том, что в грядущей битве прекрасная и милосердная богиня Луны услышит эту молитву.

Феррин любил сражаться. У него это хорошо получалось. Но Деларин ясно дала понять, что сейчас ей не нужно больше солдат для сражения — важнее была информация о том, *как* сражаться.

В любом случае он всегда был готов к бою.

В обличье ночного саблезуба — своем любимом — он двигался, подобно ветру. Перепрыгивая с ветки на ветку высоко в кронах деревьев, он направился на юго-восток от Приюта Серебряного Ветра. Увиденное в лесах Ночной Песни вызвало у него отвращение и гнев.

В роще Среброкрылых и на аванпосту Среброкрылых царил тишина, но, приближаясь, он почуял запах крови. Феррин ощерился и продолжил свой путь.

Пала и застава Мор'шан — бывший аванпост орков, который эльфы вернули себе после смерти кровожадного Гарроша Адского Крика. Феррина это

не удивило. Однако здесь к запаху крови калдорай примешивалась вонь гоблинов и орков. Он перешел на рысь и осторожно двинулся вперед, почти невидимый среди ветвей. Орк загоготал, затем затынул буйную песню. Феррин спрыгнул на нижнюю ветку и пригляделся. Орк и гоблин снимали с мертвых оружие и украшения. Гоблин заворчал, стягивая кольцо с пальца охотника, — он дергал за руку так сильно, что мертвое тело сотрясало.

Только двое. Он мог разделаться с ними. Но Феррин не дал воли своей ярости. Он отправился на разведку и должен был вернуться с вестями. Так ему было приказано. Командиром в Ясеновом лесу теперь была Деларин, и он будет подчиняться ей.

«Вам повезло, что Дел так дорога мне», — подумал он с горечью и прокрался мимо двух существ, которые заслуживали каждый по сто смертей.

Даже в облике ночного эльфа обоняние у Феррина было более чутким, чем у них. Теперь же оно обострилось еще сильнее. Тем не менее они тоже могли учуять его, если он потеряет бдительность. Феррин убедился, что ветер дует в его сторону, прежде чем обойти укрепления.

Миновав аванпост, он принял облик буревестника. Рассекая воздух, могучие крылья несли его вперед. Час был полуденный; Орда сознательно выбрала для нападения время, когда ночные эльфы наиболее уязвимы. Солнце палило нещадно. Его лучи казались еще ярче над безжизненной рыжей пустошью, так удачно названной Степями. Но то, что Феррин увидел в золотистом свете, обдало его могильным холодом.

Сердце сжалось у него в груди. Так много. Их было так много. Тысячи — возможно, десятки тысяч — слишком много, чтобы сосчитать. Целые легионы растекались внизу грязным пятном. Караваны с кодо в упряжках теснились вокруг одного из редких оазисов, чтобы воины Орды могли отдохнуть и напиться воды перед нападением на Ясеновый лес. Над всем этим возвышались дюжины осадных орудий.

Армия передвигалась гораздо медленнее, чем калдорай-друид. Феррин задумался, стоит ли рисковать, чтобы собрать побольше информации. Смерть не страшила его, но ордынский солдат мог его заметить и понять, что кружащий над ними буревестник — на самом деле друид. И что их войско обнаружили.

Однако Орда организовала масштабную атаку, послав своих убийц на все эльфийские посты. Ее генералы должны знать, что калдорай уже известно об их

приближении. Поэтому Феррин полетел вперед. Он держался как можно выше, лишь бы только различать происходящее внизу. Это была настоящая армия Орды. Она состояла не только из орков — хотя и кишела этими отвратительными созданиями. В ней были представители всех ордынских рас.

Шпионы Альянса сообщили, что этой армией командовал сам Саурфанг. Интересно, а вождь тоже здесь? Может, не Саурфанг, а *она* привела сюда эту армию?

Его сомнение быстро переросло в уверенность. Конечно же, она должна быть здесь. Высокомерие не позволило бы ей уступить славу кому-то еще. Кроме того, вряд ли был в Орде кто-то могущественнее, чем Сильвана Ветрокрылая.

«О расчетливая, трусливая банши, ты бы никогда не осмелилась напасть, будь наша госпожа здесь вместе с нашим повелителем. Но она вернется. Она и шан'до заставят тебя пожалеть обо всем».

Феррин не увидел внизу никаких признаков присутствия Сильваны. Однако он заметил, как с повозки слезает огромный орк с седыми волосами, заплетенными в длинные косы. Его доспехи были богаче, чем у остальных, а когда он шел сквозь войска, ордынцы оказывали ему знаки уважения. Он был стар, но в его движениях угадывалась властность. Возраст не подорвал его силы.

На несколько мгновений друид завис в воздухе, мерно взмахивая крыльями, запоминая как можно больше деталей. Затем, когда его тоска окончательно сменилась гневом и жгучим желанием действовать, он развернулся и полетел на север так быстро, как только позволяли его крылья.

Как только Малфуриону сообщили о прибытии часовой, он отправился к лунному колодцу поговорить с ней. Жрицы уже позаботились об эльфийке: три из них собрались вокруг и предлагали еду, которую та принимала с благодарностью.

— Часовая Эриаднар, — обратился к ней Малфурион, приближаясь.

Она сидела на краю бассейна с поникшими плечами. Усталость от дороги еще не прошла. Однако услышав Малфуриона, она встала.

— Ты заслужила право сидеть в моем присутствии. Какие грустные вести ты принесла?

Эльфийка устало опустилась обратно в воду.

— Я пришла из Приюта Серебряного Ветра. Почти на все наши аванпосты одновременно напала Орда. Анарис Лесной Ветер убита. Нас возглавила Деларин Летняя Луна. Она отправила меня передать... — на мгновение показалось, что часовой не может заставить себя произнести страшные слова. Затем она продолжила срывающимся голосом. — Передать, что на нас идет армия Орды.

Уже так долго Малфурион жил в ожидании этой новости — в ожидании того, что однажды Орда пробудится и обратит свой безжалостный взор на Дарнас. И вот это наконец случилось.

Они с Тирандой попались в ловушку врага. Их флот отправился на юг, к Силитусу — именно туда, куда хотела Орда. Никогда еще калдорай не были так уязвимы.

Но Орде не победить. Она еще не понимала, что повлечет за собой дерзкая атака на земли ночных эльфов. Она не понимала, что ее армии придется сражаться не только с жителями Ясеневого леса. Сила Малфуриона Ярости Бури и его учеников-друидов, применяемая с уважением, но решительно, заставит выйти на бой с Ордой сам Ясеневоый лес.

Несомненно, такой опытный воин, как Саурфанг, будет готов к битве. У него и его воинов неплохие шансы победить армию противника — но не то, что защищает эта армия.

Когда Малфурион принял окончательное решение, его облик стал еще внушительнее. Он уже готовил свой дух и разум к грядущим испытаниям.

Почувствовав эту перемену, Эриаднар немного приободрилась, хотя ей стало слегка не по себе.

— Благодарю тебя за расторопность, — спокойно сказал ей Малфурион. — Отдохни, а после у меня будет еще одно задание для тебя.

Постепенно приходили вести с остальных аванпостов. Напали не на все из них. Эти посты, получив предупреждение Деларин, отправили в Приют Серебряного Ветра часовых. Другие, как Астранаар, понесли потери, но в

итоге победили и уничтожили противника. Но некоторые хранили лишь зловещее молчание.

С каждой минутой прибывала подмога, и Деларин старалась этому радоваться.

— Большинство из нас выжило, — говорила она вновь прибывшим и напоминала им, что Орде уже не застать ночных эльфов врасплох. — Они вторглись на нашу родину. Мы знаем каждую пядь земли этих лесов и действуем в гармонии с природой. У Орды этого преимущества нет. Мы — первая линия обороны, и само поле битвы на нашей стороне...

В таверну Приюта Серебряного Ветра, где она держала речь перед подчиненными, влетел буревестник. Феррин изменил облик прямо в воздухе и грациозно приземлился на ноги.

В полной тишине Деларин и другие эльфы слушали его рассказ о том, что он видел, кого он видел... и кто еще, по его мнению, направлялся к ним с этой армией Орды. Усилием воли она сохраняла спокойствие, но каждое его слово ранило, как стрела.

Сомнений больше не было. Орда отправила в поход на Дарнас армию под предводительством верховного воеводы Саурфанга и, скорее всего, вождя. У них было достаточно воинов, припасов и орудий, чтобы взять город.

— Каково, по-твоему, их численное превосходство? — тихо спросила она.

Феррин задумался.

— Семь, может, восемь воинов против одного нашего, — ответил он наконец.

Последовала тишина, плотная и тяжелая, как саван.

«Так много. Слишком много. Без флота...»

Нет. Она не позволит себе даже думать об этом.

Она взглянула из окна на озеро Мистраль. После недавних дождей вода в нем поднялась. Маленькое строение, стоявшее на островке посреди озера, теперь отделяла от кромки воды всего пара метров.

— Дождь, — внезапно сказала она. — Они едут на кодо. Кодо тащат караваны. И очень тяжелые орудия. Дороги раскисли. Караваны застрянут. А бурную, полноводную реку будет тяжело перейти.

Ее глаза гневно блеснули.

— Особенно если мы сожжем мосты.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ НАТИСК

*А первые уже ушли за грань —
В мир огоньков, страну теней.
И кровью мы заплатим дань —
Чужою кровью и своей —
За то, чтоб город наш стоял,
Забыв о трудных временах,
И в лунном свете воссиял
На веки вечные во снах.*

Андуин Ринн, Тиранда Шелест Ветра, Велен и Генн Седогрив стояли возле монумента в Покое Льва. У Андуина защемило сердце, как и всегда, когда он смотрел на каменную статую своего отца. Даже сейчас, несколько месяцев спустя, трудно было поверить, что его больше нет. Иногда Андуин приходил сюда в сумерках, и в час, когда мир словно задерживал дыхание между днем и ночью, у него почти получалось уверить себя в том, что его отец с ним — может, лишь стоит немного поодаль.

— Здесь так спокойно, — сказала Тиранда, — я рада наконец-то увидеть это место.

Вместе с другими владыками Альянса она ненадолго приехала в Штормград вскоре после смерти Вариана, когда для прощания выставили символический пустой гроб. Эта могила тоже была пуста — от Вариана не осталось ничего, что можно было бы похоронить. И все же Андуин чувствовал его присутствие здесь сильнее, чем где-либо еще.

— Жители Штормграда очень тактичны, — сказал Андуин. — Здесь меня никто не тревожит. За этой статуей открывается прекрасный вид на порт.

Андуин и его спутники уже спускались по ступеням, ведущим от монумента, когда увидели бегущего к ним штормградского стражника. Андуин устремился ему навстречу. Остальные последовали за королем.

— Что случилось? — спросил Андуин.

Стражник отдышался, однако когда он наконец смог говорить, слова его были обращены не к королю.

— Госпожа Тиранда, они напали... Начинается эвакуация. Беженцы... они прибывают через порталы.

Тиранда застыла. На мгновение она стала похожа на статую — еще более восхитительную, чем Хайдин в храме Луны. Иллюзию нарушала только быстро пульсирующая жилка на шее. Затем она произнесла:

— Отведи меня к ним.

Когда четверо владык добрались до башни магов, там собралась уже дюжина беженцев. Верховный маг Малин держал порталы открытыми в ожидании новых. Это были мирные жители — кузнецы, портные, пекари — в сопровождении одной часовой. Увидев Тиранду, она быстро вышла вперед, преклонила колени и протянула верховной жрице свиток.

Андуин узнал печать. Послание было от Малфуриона Ярости Бури. Тиранда начала читать, и ее глаза раскрывались все шире. Губы сжались в тонкую линию. Несмотря на невеселые разговоры, которые они вели в картографическом салоне, Андуин был рад ее присутствию. Однако теперь ему представился шанс наблюдать менее заметное, но не менее значимое преобразование, чем когда Генн принимал облик воргена: он увидел, как владычица калдорай превращается из жрицы в воина.

Она подняла голову.

— Орда напала на Ясеновый лес, — сказала она спокойным, ровным голом.

— Что? — ошарашенно проговорил Андуин.

— Но ведь Силитус... — начал было Генн.

И все замолчали: внезапное осознание сковало их ужасом. Для Андуина эта весть была как удар в солнечное сплетение. Огромная армия Саурфанга никогда не предназначалась для Силитуса. Если шпионы Андуина правильно оценили ее размеры, Ясеновый лес не выстоит.

А между Дарнасом и Ордой стоял только только он один.

Андуина охватил гнев: больно было сознавать, что, несмотря на все его старания, Сильвана Ветрокрылая снова оставила всех в дураках — и его самого, и его союзников. На этот раз ценой ошибки будет кровь народов Альянса.

Генн ударил кулаком о ладонь, нарушив царящую в башне мертвую тишину. Его лицо залилось краской, а глаза горели от ярости.

— Сильвана нас обвела вокруг пальца! Так называемые шпионы Шоу...

— Сообщали о том, что видели, — медленно произнес Андуин, тоже терзаемый чувством вины. — Это работа шпиона. Их не в чем упрекнуть. И Саурфанг, и Сильвана — талантливые тактики и опытные военачальники.

Он глубоко вздохнул:

— Это моя вина. Я должен был догадаться, что Орда сразу воспользуется любой возможностью застать нас врасплох.

— Этого не ожидали даже те, кто намного тебя старше, — утешил его Велен. Однако, несмотря на эти слова, нахмуренные брови пророка свидетельствовали о его глубокой тревоге.

— У нас будет достаточно времени на обвинения, как и причин испытывать вину. Но позже, — сказала Тиранда. Ее голос звучал отрывисто, но трезво. Иступленный гнев Генна она уравнивала холодной яростью, которая не затуманивала ее острый ум. — А сейчас слушайте.

Она продолжила читать письмо, переводя и кратко пересказывая его для остальных.

— Состоялась четко организованная, одновременная атака на несколько аванпостов и патрулей, среди которых Приют Серебряного Ветра, Астранаар, башня Звездной Пыли и застава Мор'шан.

Ее голос ни разу не дрогнул. Это поразило Андуина. Он сам ощущал звук каждого названия как удар.

— В данный момент наступление Орды, скорее всего, остановилось. Малфурион думает, что действующий командир войск Ясеневого леса, — глаза Тиранды слегка расширились, затем она продолжила, — Деларин Летняя Луна, будет сдерживать их у реки Фалфаррен. Эта река служит естественной границей тех земель, а сейчас вода в ней поднялась из-за недавних ливней.

Андуин вспомнил донесения шпионов. Насчет места назначения армии они горько ошибались, и тем не менее о ее вооружении они сообщали в деталях. — Орда везет с собой осадные машины. Их будет тяжело переправить через реку.

Тиранда кивнула.

— Малфурион приказал отбившему в Фералас флоту возвращаться. Если Орду удастся задержать у Фалфаррена, это поможет выиграть драгоценное время.

Никто не спросил вслух: «А будет ли его достаточно?» Андуин посмотрел на испуганных беженцев. Если Орда доберется до Дарнаса с таким оружием...

Он сглотнул и, сделав глубокий вдох, обратился к Свету с мольбой о помощи: о том, чтобы разум его обрел ясность и он снова мог сосредоточиться.

— Штормград немедленно вышлет подкрепление, — сказал он.

Тиранда кивнула. Как и остальные, она знала, что армию нельзя перебросить через портал, подобно небольшой группе. Можно было бы отправить все подкрепления Азерота, но они прибыли бы слишком поздно, как и армия, которую Альянс так самонадеянно собрал, чтобы дать отпор Орде, — а значит, толку от подкреплений не было бы.

Или?.. Может, Элуна и Свет помогут им.

— Это земля твоего народа, госпожа Тиранда. Я знаю, что калдорай будут отчаянно сражаться за каждую пядь. Природа на вашей стороне — и вы с ней в полной гармонии. Но тяжелые осадные орудия могут поставить крест на попытках отбиться.

Эльфийке-часовой Андуин сказал:

— Шан'до Малфурион поступил правильно. Расскажи ему, что ты услышала здесь — и что Штормград готов принимать беженцев. Мы всем предоставим укрытие. Даю твоему народу слово.

Он повернулся к Велену:

— Я доверяю вам заботу о беженцах, — сказал Андуин. — Отведите их в собор Света и помогите устроиться.

— Разумеется, — ответил пророк. — Почту за честь. Пожалуйста, друзья, — обратился он к беженцам, — следуйте за мной.

Он кивнул Тиранде, та напряженно улыбнулась в ответ.

— В Дарнасе еще осталось много гилнеасцев, — сказал Генн Андуину, когда группа беженцев вышла вслед за Веленом. — Я хотел бы отправиться за ними и привести их сюда. Мои подданные должны знать, что их король о них помнит.

Андуин покачал головой.

— Мне понадобится твой опыт и твои советы... Особенно если случится худшее.

— Не беспокойся, — уверила Генна Тиранда, — мой народ позаботится о безопасности твоих соотечественников и поможет им добраться сюда.

— Благодарю тебя, но я не могу просто бросить их. Им нужно увидеть знакомое лицо!

Андуин отлично его понимал. Хотя ночные эльфы дружелюбно относились к гилнеасцам, подданным Генна все же будет неуютно, если рядом не будет того, кому они безгранично доверяют.

— Может, к ним отправить Тесс? — предложил он.

— Я бы так и сделал, если бы знал, где ее найти, — ответил Генн и задумался. Порталы продолжали гудеть, из них выходило все больше ночных эльфов.

— Миа, — наконец произнес Генн, — кто, как не она, умеет успокаивать. К тому же она все равно почти все время там.

Королева Миа Седогрив действительно была частой гостьей в Воющем дубе — дарнасском лагере, где жили гилнеасцы. Андуин был о ней очень высокого мнения. Он согласился: вряд ли кто-то мог справиться с задачей Генна лучше, чем эта миниатюрная, волевая женщина с добрым сердцем и острым умом.

— Король Андуин! — обратилась к нему эльфийка. Если Андуин правильно помнил, ее звали Эриаднар. — Это только начало. Шан'до Малфурион приказал эвакуировать всех — не только из города, но и с ближайшей к нему области Темных берегов.

«Значит, он больше не надеется на победу». Он понял, что остальные подумали то же самое — хотя никто этого вслух не сказал.

Андуин лихорадочно размышлял сразу над несколькими вопросами. Где разместить ночных эльфов, когда в соборе закончится место? Их народ не слишком многочислен, но все же Дарнас был крупным городом. Как

эта катастрофа отразится на калдорай и их культуре? Есть ли хоть какая-то возможность вовремя доставить сражающимся помощь — оружие, припасы, солдат?

— Я отправлю отряд штормградских стражников в Дарнас помочь с эвакуацией — в Воющем дубе и везде, где смогут. Верховный маг Малин, отправьте сообщение в Даларан. Объясните ситуацию и спросите, не пошлют ли они в Штормград еще магов — чтобы переправить через порталы больше беженцев.

Малин кивнул.

— Что касается Ясеневого леса, я тотчас же отправлю туда столько войск, сколько смогу. У Велена будет все необходимое. Все городские учреждения, подходящие для размещения беженцев, будут в его распоряжении. Я отправлю кого-нибудь в Храм света Пустоты и попрошу о помощи жрецов Конклава. Уверен, архиепископ Фаол с радостью нам поможет.

Несколько минут Тиранда молчала. Наконец она сказала часовой Эриаднар:

— Я вернусь с тобой. Я буду сражаться за наш город подле Малфуриона.

Эриаднар преклонила колено. Она говорила на дарнаском наречии, а не на общем, и Андуин понимал не все. Но было ясно, что слова эльфийки исходят из самого ее сердца — и что они глубоко тронули Тиранду. Она тоже опустилась на колени и заключила Эриаднар в объятия. Поднявшись, она подошла к беженцам. Застенчиво, но нетерпеливо они тянули руки, чтобы прикоснуться к ней, и Андуин видел на их лицах тревогу.

Одной рукой Тиранда обняла мать, державшую на руках ребенка. Когда она заговорила, ее голос задрожал — впервые с тех пор, как началось это ужасное испытание.

— Мне очень хочется вернуться и сражаться вместе с мужем. Но ступая в порталы, мой народ должен знать, что здесь их кто-то ждет. И поэтому... Я остаюсь.

Ее глаза блеснули.

— Пока что.

Королева Миа Седогрив начала собираться в Дарнас еще раньше, чем муж закончил произносить свою просьбу, — и он знал, что так будет. Они прожили вместе так долго и перенесли столько всего, что понимали друг друга с полуслова. Тем не менее Генн не смог удержаться, чтобы не попросить ее вернуться как можно скорее. Миа обещала обернуться в несколько часов.

Она нежно и не спеша поцеловала мужа, затем обнялась с Тирандой — Миа лучше многих понимала, как тяжело верховной жрице далось решение остаться — и шагнула в портал уже через полчаса после прибытия часовой Эриаднар в Штормград. Их обеих уверили, что штормградские стражники прибдут вслед за ними с пищей и лекарствами в самом скором времени. Миа и Эриаднар вышли из портала в одном из самых любимых уголков королевы во всем Азероте — в храме Луны.

Обычно в храме царили тишина и безмятежность, а теперь в нем было тесно. И хотя толпы беженцев все еще двигались организованно, умиротворяющий плеск фонтана заглушали тихие, но тревожные голоса.

— Королева Миа! — воскликнул маг, поддерживавший портал для нее и Эриаднар. — Мы не ожидали вашего прибытия!

— Неужели, — улыбнулась Миа и отошла в сторону, чтобы терпеливо ждущие ночные эльфы могли проследовать в Штормград. Она ободряюще кивнула им, излучая свое обычное уверенное спокойствие.

— Меня ты не удивила, — Астария Устремленная к Звездам встретила их радушной улыбкой, — Я не сомневалась, что ты придешь.

Две женщины обнялись. Королева старалась не заводить любимчиков, но в этой жрице с зелеными волосами и мягким голосом было что-то особенное. Они всегда понимали друг друга с полуслова.

Миа тихо спросила ее:

— Как у вас дела? Еще держитесь?

— Мы калдорай, — кратко ответила Астария.

Миа почувствовала комок в горле. Генн редко скрывал от нее что-то, и новости, которыми он поделился, были страшными. Он попросил ее проследить, чтобы с гилнеасцами в Дарнасе ничего не случилось и чтобы все они добрались до Штормграда, — и вернуться, как только миссия будет выполнена. Она мгновенно

приняла решение. Уже не в первый раз Миа Седогрив поступит так, как подсказывает ей сердце — чего бы ни ожидали от нее другие, в том числе и муж.

— Я побуду здесь еще некоторое время, — сказала она. — Когда спасутся мои соотечественники, я останусь помочь твоим.

— Королева Миа, не думаю, что король Генн...

Миа махнула рукой, успокаивая Астарию:

— Генна предоставь мне.

Несмотря на все напряжение и тревогу, Астария едва заметно улыбнулась.

— Вы знаете его лучше всех, Ваше Величество.

— О, несомненно, — она повернулась к магу. — Если не ошибаюсь, тебя зовут Мейлир?

— Да, Ваше Величество.

— Ты можешь отправиться со мной в Воющий дуб и помочь с эвакуацией?

— Конечно, — ответил маг. — Помочь гилнеасцам будет большой честью для меня.

В Приют Серебряного Ветра продолжала понемногу прибывать помощь. Деларин не питала иллюзий и знала, что помощи не будет — да и не может быть — достаточно, чтобы разбить здесь ордынскую армию. Но Фалфаррен был идеальным местом, чтобы задержать противника и отправить к праотцам хотя бы часть орков, троллей и других ордынцев.

Изнуренный долгим полетом из Дарнаса друид принес письмо от Малфуриона. Верховный друид сообщил Деларин, что Эриаднар добралась до Дарнаса. Тиранда была с королем Андуином, который поклялся помочь с эвакуацией и прислать подкрепление. Малфурион также отправил несколько отрядов друидов на помощь Деларин.

— Они скоро придут, — поспешил ободрить ее друид, хотя сам едва держался на ногах, — здешние леса и воды — наши друзья. Чем больше помощи мы сможем получить от природы, которая всегда так щедро одаривала наш народ, тем сильнее будет смятение в рядах наших врагов.

— Благодарю тебя, — сказала Деларин, — твой опыт нам очень пригодится. Ясневый лес тоже благодарен тебе.

Она приказала принести усталому друиду пищу и питье. Затем снова развернула письмо. Начало эвакуации было радостной вестью, и все же Деларин не покидало беспокойство. Как и дворфы из Лиги исследователей, большинство путешественников проходило через портал по одному — иногда по двое или по трое, но не больше. Порталы давали отличную возможность быстро добраться до цели отдельным путешественникам. Но они плохо подходили для эвакуации целого города.

Или транспортировки армии.

«Мы будем сдерживать Орду столько, сколько сможем, — обращалась она к своим воинам, — за каждый свой шаг по нашей земле они дорого заплатят».

Она отчаянно надеялась, что Малфурион скажет, как именно этот план будет претворен в жизнь.

«Я отправил послание генералу Оперенной Луне, — писал верховный друид. — Корабли с войсками генерала должны вернуться немедленно. Также я попросил магов помочь тебе, и сам вскоре отправлюсь в Ясневый лес. Мужайся, командир Летняя Луна. Ты не одинока. Элуна с нами».

Обычно сдержанные, ночные эльфы восторженно приветствовали открытие портала. Вышедшие из него маги, к которым до этого относились в Дарнасе настороженно, удивленно улыбались. Когда каждый из них открыл еще один портал, раздалось больше радостных криков. И они стали громче, когда в течение следующих минут в несколько заходов из портала появилась дюжина медведей, птиц и ночных саблезубов.

«Благодарю тебя, шан'до».

— Нам понадобится ваш огонь, — сказала Деларин двум магам, представившимся как Сарвонис и Ралара. — Нужно кое-что сжечь.

Мосты через реку Фалфаррен — искусно возведенные арки из дерева и мозаичного камня, — несомненно, нужно было разрушить в первую очередь. По этим мостам Деларин отправила на другой берег несколько отрядов из пары десятков бойцов.

Они тоже должны были устроить поджог.

Феррин сообщил, что Орда везет осадные орудия. Если армии захватчиков удастся доставить их от заставы Мор'шан к реке, огромный урон неминуем. А если орудия переправят через реку...

Орда в Дарнасе, марширующая по его прекрасным белым мостовым, оскверняющая его храм, грабящая драгоценные артефакты и вытаптывающая прекрасные растения, высаженные по всему городу... Деларин не могла позволить себе задержаться на этой мысли. Чем больше осадных машин и орудий они приведут в негодность здесь и сейчас, тем меньше их окажется на Темных берегах, когда Орда начнет штурмовать ее дом.

Всех способных ходить призывали на службу. Даже те, кого обычно считали гражданскими — портные, торговцы, хозяева таверн — за многие сотни лет научились драться достаточно хорошо, чтобы защитить себя. Те немногие, кто сражаться не мог, — матери с младенцами, раненые — отправились через портал в Штурмград после прибытия магов.

Деларин с грустью наблюдала, как те, кого еще недавно полученные приказы предписывали ей защищать, побежали через реку с луками и кинжалами в руках вместе с часовыми.

Она скорее почувствовала, чем услышала, как к ней подошел Феррин. Он положил свою теплую и сильную руку ей на плечо, и у Деларин мелькнула мысль, что она все отдала бы, чтобы снова лежать рядом с ним — как тем утром, когда прежний покой окружавшего их леса был нарушен раз и навсегда. Или, еще лучше, гулять с ним в безмятежном Дарнасе, которому ничто не угрожает.

Маги стояли в ожидании приказа.

Деларин глубоко вздохнула:

— Сожгите их.

Кисти рук Сарвониса задвигались в магическом жесте. Совершенно некстати Деларин вспомнила, как однажды на вершине горы она слепила снежок и бросила его в ничего не подозревающего Феррина. Воспоминание вызвало у нее мимолетную улыбку.

На ладони мага появился крошечный огонек, который постепенно превратился в небольшой шар рыжего пламени. Сорвавшись с рук Сарвониса, шар полетел к мосту. Прекрасное сооружение охватило пламя, и ночная тишина сменилась громким, сердитым треском.

Деларин различила отзвуки криков, и вдалеке над кронами деревьев показался тонкий столб дыма. И так, одну осадную машину уже уничтожили. Она уже не забросает камнями город, уже и так немало вытерпевший на своем веку.

А затем... издали донесся барабанный бой.

Феррин почувствовал, как она напряглась.

— Скажи, что от меня требуется? — спросил он.

«Чтобы ты выжил», — подумала она. Но вслух произнесла другое.

— Ты раньше работал с этими друидами? С теми, что пришли сюда из порталов?

— С некоторыми, — ответил он, — мы слаженная команда.

— Тогда собери эту команду и заставь Орду поверить, что нас здесь больше, чем они предполагали.

Феррин посмотрел на реку, по которой теперь плыли куски обугленного дерева. Проводив взглядом почерневшие обломки моста, он взглянул в противоположную сторону и прищурился.

— Думаю, мы справимся, — сказал Феррин. Он притянул Деларин к себе, нежно поцеловал и прикоснулся губами к ее лбу.

— Я знаю, что тебе страшно, — прошептал он, — и что боишься ты за наш народ, а не за себя. Но не отчаивайся. Мы еще живы. И пока мы живы, ни одна смерть не будет напрасной.

Он погладил ее по щеке и ушел.

Деларин снова взглянула на другой берег реки и плотно сжала губы.

— Пойдем, — сказала она часовой Ваннаре, — зададим им такого жару, что им и не снилось.

«Мы уничтожим как можно больше их орудий. Пусть думают, что нас больше, чем они ожидали. Обрушим на противников град стрел, а деревья наших лесов станут сбивать их с ног и душить. Наша ярость ужаснет врага и пошатнет его уверенность в победе.»

Мы будем держать оборону».

Последний раз Феррин был в Ясеновом лесу несколько лет назад, но он хорошо помнил эту местность. Сейчас им помогала река Фалфаррен, но это лишь давало выиграть время. Несчетная армия, которую он видел, рано или поздно ее форсирует — хотя бы по телам своих погибших.

«Как по мне, — мрачно размышлял он, — так было бы неплохо».

Он не знал, что врагу известно о Ясеновом лесе, но в любом случае недооценивать Саурфанга и Темную Госпожу не стоило. Орда уже вторглась в Ясеновый лес и начала его захватывать. Саурфанг наверняка знал, как и Феррин, что самое узкое место реки на севере, чуть ниже развалин Ксавиана. Туда и направится Орда.

План Феррина был прост. Следуя приказу своего командира, он позвал к себе всех собравшихся неподалеку друидов и быстро объяснил задачу.

— У них численный перевес, и они это знают. Мы должны заставить их в этом усомниться. Скоро они доставят сюда осадные машины и будут искать, где переправиться через реку. Командир Летняя Луна атакует их на другом берегу реки. Другие патрулируют на этом берегу, чтобы помешать Орде переправиться. Каждый раз при наступлении Орды они будут трубить в рог.

— Мы будем ждать их в прудах у Ксавиана, и не только — везде, где мы нужны и когда мы нужны.

Они растерянно переглянулись.

— Но каким образом? — спросил один из друидов.

Феррин широко улыбнулся и вместо ответа указал пальцем в небо.

Вскоре после первого удара по осадным машинам Орды Деларин отступила со своими войсками обратно на западный берег Фалфаррена. Они сделали, что смогли, но теперь Орда преследовала их. Деларин это устраивало.

У ночных эльфов были с собой сигнальные рога. Каждый раз, когда воины Орды собирались на другом берегу реки и хотели было ее форсировать, калдорай стреляли по ним из луков, и воды наполнялись трупами ордынцев. Когда врагу все-таки удавалось добраться до берега, его ждала незавидная участь: ночные

эльфы окружали и убивали противников, подбирали выпущенные стрелы, а затем нападали на следующих ордынцев, опрометчиво вышедших вперед.

План Феррина — чтобы каждый раз, когда рог звал в бой, с деревьев нападали отряды друидов — сработал просто великолепно. Но долго так продолжаться не могло. Теперь неуместно сладкозвучные ноты рога раздавались чуть ли не ежеминутно.

Деларин не стремилась стать командиром, но вступив в должность, не пренебрегала своими обязанностями. Теперь она бросилась в самую гущу схватки и стала яростно драться рядом с товарищами. Стрелами она разила врагов издали, а в ближнем бою сражалась лунной глефой.

На берег выбралось шесть воинов Орды — три тролля, два таурена и эльф крови. Таурены и два тролля сложили щиты вместе, и ордынцы спрятались от стрел за импровизированной стеной. Деларин задержала дыхание, прицелилась и стала ждать.

Наконец открылась брешь — шириной всего сантиметров в десять. Она выпустила стрелу.

Краем глаза она заметила фиолетовый отблеск. Стоявшая рядом с ней Ваннара упала на землю. Из ее горла торчала тонкая стрела с полосатым оперением, украшенная металлическими обручами и бусинами.

Только инстинкты и вековой опыт спасли Деларин, когда она в последний момент отпрянула в сторону. Взвизгнув, словно от досады, вторая стрела пронеслась мимо и вонзилась в ствол дерева.

Деларин подпрыгнула и перевернулась в воздухе, не прекращая стрелять. Приземлившись, она разглядела на другом берегу реки в тени деревьев два красных огонька — и лицо, наполовину скрытое капюшоном.

Лицо было серо-голубым, но то был не здоровый, благословенный Элуной цвет кожи ночных эльфов. На той коже различались зеленоватые вкрапления скрывавшейся под ней гнили. Отметины на лице эльфийки были черного цвета, а глаза горели алым огнем.

Сильвана Ветрокрылая.

Темная Госпожа, вождь Орды. Счет ее жертв шел на тысячи. Все отвратительное и немислимое для ночных эльфов — презрение к природе,

ненависть к жизни, безрассудство и безумие — воплощала в себе эта кровожадная банши. И сейчас она была здесь.

Потеряв вождя, армия Орды погрузилась бы в хаос. Сруби голову, и тело умрет.

Деларин мигом натянула тетиву и выстрелила.

Сильвана исчезла.

«Нет!»

Деларин не смогла сдержать возглас ярости.

«Я могла бы прекратить все это, прямо здесь и сейчас...»

С пронзительным визгом сверху обрушился новый рой стрел. Деларин отогнала от себя дурные мысли. Они лишь играют на руку врагу. Она не оставит надежду.

«Элуна, защити своих детей. Защити их от этих чудовищ. Дай нам сил выстоять в этой битве и спасти свой народ».

И словно в ответ на эту молитву позади нее раздался рев нескольких ночных саблезубов. Охотницы из Астранаара пришли сражаться рядом с ними. Усталые бойцы восторженно приветствовали их.

Одна из охотниц приблизилась к Деларин. Не прекращая стрелять, командир прислушалась к ее голосу:

— Скоро здесь будет шан'до!

Малфурион Ярость Бури, как и обещал, спешил к ним на помощь. Пришло время отступить и перейти к следующему этапу плана.

— Приведи ко мне друида, — приказала она охотнице. — Нужно сообщить шан'до, что вождь здесь.

С юга донесся звук рога, возвещающая о новой волне ордынцев, идущих на смерть, не подозревая этого. Хотя пасть ночного саблезуба мало приспособлена для улыбки, мускулы вокруг огромных клыков Феррина дернулись от радости.

План сработал великолепно. Каждый раз, когда они обрушивались на врагов в облике саблезубов или огромных птиц, те растерянно смотрели, раскрыв рты, на несущуюся к ним сверху смерть — если вообще успевали взглянуть наверх, что случалось нечасто. Шестнадцать друидов, передвигавшихся по кронам Ясеневого леса, действовали быстро, тихо и осторожно. Когда на деревьях их было так много, какая-нибудь ветка легко могла не выдержать и обломиться. Но у каждого в «стае» Феррина был за плечами вековой опыт существования в облике животного, а риски они просчитывали мгновенно, даже не задумываясь.

Они перепрыгивали с ветки на ветку, тихие как смерть, передвигаясь в безупречном ритме, которому подчинялось даже их дыхание и сердцебиение. Внезапно Феррин услышал звук, и повел ушами в его направлении. Он повернул могучую голову и понюхал воздух, но не учуял ничего подозрительного и ничего не увидел. Однако стоило ему перепрыгнуть на следующую ветку, как позади него две большие птицы пронзительно крикнули от боли. Одна упала на мягкую лесную траву, а другая с размаху врезалась в дерево.

Когда воздух рассекла следующая партия сюрикэнов, Феррин услышал их приближение и отскочил в сторону, изогнув свое кошачье тело. Отделившись от соратников, он бросился назад, чтобы уничтожить убийцу. Одному из друидов повезло меньше, чем Феррину: он взвыл и свалился с ветки.

Ветер, так жестоко помешавший вовремя учуять эльфа крови, изменил направление, и Феррин уловил смрад разбойника. Но точно определить его местонахождение все еще не получалось. Затем... вот он! Глупый син'дорай выдал себя, прыгнув с ветки на ветку сквозь блеклый луч лунного света. Он тут же соскочил на другую ветку, но Феррин с соратниками бросились за ним.

Было ясно, куда направился враг — несомненно, прочь от поля боя. Но он еще не понял, что попал в их мир, так не похожий на сияющую золотом и алыми знаменами столицу эльфов крови. Друиду, вернувшему себе облик калдорай, повиновался каждый корень и каждая веточка, позволяя обрушить на врага гнев поруганного леса.

Листва затрепетала, когда деревья начали пробуждаться, готовясь схватить чужака.

В воздухе просвистело еще два сюрикэна. Феррин и другие извивались, уклоняясь от них. Только отточенное веками умение двигаться в звериных обличьях позволяло им в конце концов зацепиться за ветви или взлететь ввысь

над кронами деревьев. Стройный серо-голубой саблезуб бросился на эльфа крови. Это была Шенда. Она выпустила когти и оскалила смертоносные клыки...

И Феррин с ужасом увидел, как на ее горле открылась огромная рана, из которой брызнула кровь. Шенда упала на землю.

Впереди несколько братьев и сестер Феррина, слишком увлеченные погоней за противником, одновременно прыгнули на одну далеко выступающую ветвь. Но разбойника на ней уже не было. Ветвь обломилась с оглушительным треском, которому вторили вопли саблезубов, пока каждый из них не ударился о землю с пугающим гулким звуком.

Было уже поздно. Феррин понял это, как только они упали. Разбойник убьет их раньше, чем они смогут прийти в себя и защищаться. Друиды, оставшиеся на деревьях, полетели или понеслись с ветки на ветку им на помощь. Феррин сжался перед прыжком, готовясь следовать за ними.

Мгновение спустя раздался резкий звук ружейного выстрела.

Разбойник был не один. Хорошо. Полный горя и ярости, Феррин готов был убить больше, чем...

«Уходи», — прошептал чей-то голос.

Другие подумали бы, что услышали лишь ветер, колышущий листву, но Феррин знал голос своего шан'до.

Малфурион Ярость Бури.

Феррин не видел своего учителя, но Малфурион мог видеть его — и его разгневанное, разбитое сердце. И верховный друид, как и много раз до этого, сказал именно то, что Феррин не хотел услышать — но должен был.

Феррин вплотную прижался к дереву, не желая повиноваться. Взор его застилал красной пеленой гнев, а напряженные кошачьи мускулы жаждали бросить его вперед. Но шан'до был прав. У разбойника и охотника не было шансов против верховного друида. Так Феррин мог выжить, чтобы продолжить сражаться.

Он почувствовал, как прикосновение целительной энергии наполняет его тело силой и обостряет чувства — хотя успокоить его дух она не могла. Внизу разбойник вместе с охотником и его питомцем разделялись с соратниками Феррина. Он слышал их крики, чувствовал запах их крови.

И все же ему нужно было уйти.

Зарывав от горя, Феррин приготовился к прыжку, развернулся и направился обратно к реке.

Он прыгал с ветки на ветку, вкладывая свою ярость в движения, давно ставшие для него естественными, как дыхание. Феррин двинулся вдоль берега Фалфаррена на юг и почти добрался до местности, где сражалась Деларин, когда услышал жуткий стонущий звук.

Ему довелось сражаться в Нордсколе, и ему были знакомы звуки, издаваемые льдом и снегом. Он видел, как раскалываются ледники — как огромные голубовато-зеленые куски замерзшей морской воды отламываются и с гулким грохотом исчезают в холодной глубине.

И этот звук Феррин тоже знал. Его издавал лед, создаваемый с помощью магии.

Орда замораживала Фалфаррен.

«Как мы этого не предусмотрели?» — в отчаянии подумал Феррин. Он понесся дальше по толстым веткам. Его мускулы сжимались и расправлялись все быстрее. Внезапная оранжевая вспышка заставила его зажмуриться. Один из магов Орды создал свечение для своих соратников. Феррин глубоко вонзил когти в дерево, чтобы не упасть, как его погибшие собратья.

Теперь ордынцы принялись кричать и петь на одном из своих неблагозвучных языков. Переждав несколько мгновений, Феррин тряхнул головой, открыл глаза и продолжил свой путь по верхним ветвям.

Пока друид и его стая носились вдоль реки, пытаясь задержать переправу Орды, в их ряды вливались другие ночные эльфы. Друиды узнали, что все высокорожденные маги погибли. Они оказали неоценимую помощь в начале схватки, уничтожив много мостов и осадных машин. Однако лучники Сильваны — и, быть может, сама Темная Госпожа — сосредоточили на них все свое внимание, чтобы убить их как можно скорее. А значит, теперь у ночных эльфов не осталось магов, которые могли бы растопить сковавший полноводную реку лед.

Магическое свечение исчезло. Вокруг снова была ночь — время калдорай. Большинство рас Орды любило солнце. Опаленная его слепящими лучами пустыня была привычнее для их глаз, чем лесной сумрак, и ночью они видели

хуже. К тому же Феррину давало дополнительное преимущество острое зрение огромной кошки, облик которой он принял.

Он взглянул сквозь листву на блестящий в лунном свете лед. Первая волна воинов Орды уже добралась до берега. Некоторым так не терпелось встретиться с ненавистными врагами, что они скользили на льду и падали. Но по большей части это ранило лишь их гордость. Значительное количество ордынцев уже перешло реку здесь. Несомненно, еще больше форсировало Фалфаррен в других местах.

И среди них — верховный воевода.

Загривок Феррина ощетинился от ярости. Он отвлекся от какофонии боя, от лязга стали и треска ломающихся под ударами молотов костей, от победных кличей и криков умирающих — и от запаха крови, такого неуместного на фоне ароматов буйной зелени Ясеневого леса. Все внимание Феррин сосредоточил на бегущем орке.

«Если сейчас я смогу с ним разделаться...»

Еще несколько ветвей, еще один прыжок — и седовласый орк, орудовавший топором с редкой яростью и редким мастерством, оказался прямо перед ним. В тусклом свете, среди ожесточенной битвы, требовавшей полного внимания, Саурфанг не мог заметить друида.

Даже перед смертью.

Феррин прыгнул, оскалившись и выпустив когти. Его сердце бешено колотилось в груди.

Еще одна вспышка — новое заклинание ордынского мага.

Саурфанг и Феррин встретились взглядами.

Друид был слишком далеко. Рассекаемый топором воздух взъерошил его шерсть. Удар был таким сильным, а лезвие топора — таким острым, что Феррин успел удивиться увиденному, пока его отрубленная голова летела прочь.

Однако он успел осознать свое поражение, прежде чем погрузиться в ничто.

На пути в Фералас флот попал в шторм. Непогода сбила с курса несколько кораблей, и теперь они запаздывали. Хотя Кордесса и призывала свою команду

вести корабль на максимальной скорости, ей не слишком хотелось оказаться на раскаленных песках под палящим солнцем Силитуса.

Верные соратницы Тиранды, они с Шандрисой Оперенной Луной слышали друг о друге. Но Кордессе никогда еще не доводилось служить под непосредственным началом генерала часовых. Она не показала своего волнения, обсуждая с Деларин свое назначение, и искренне обрадовалась за младшую подругу, которой представился шанс служить с командиром Лесной Ветер. Однако Анарис Лесной Ветер была всего лишь знаменита. А Шандриса Оперенная Луна была легендой, и Кордесса втайне с ног до головы дрожала при мысли о встрече с ней.

Ее беспокойство оказалось напрасным. В основе крепкой дружбы Шандрисы и Тиранды лежало глубокое сходство, и легендарная лучница оказалась приветливой и открытой. Руководить подчиненными Шандрисе давалось легко: она всегда воодушевляла и хвалила за успешную и прилежную работу. Конечно, в ее войсках был устав, но он был рациональным. Дисциплину поддерживали, не прибегая к наказаниям, и даже критика, как правило, принимала форму лишь удачно высказанных замечаний.

Шандриса часто приглашала Кордессу разделить с ней трапезу. Сидя в каюте, когда за окнами бушевал шторм, они пили вино и рассказывали истории. Дни проходили незаметно и мало отличались друг от друга.

Они обсуждали, какое оперение для стрел лучше, когда Шандриса заметила силуэт в ночном небе. Кордесса проследила за взглядом генерала и похолодела.

Птица была крупнее любой чайки, и летела она ночью.

Это был буревестник.

Означать это могло лишь одно. Кордесса и Шандриса вскочили со стульев, когда буревестник — ненастоящий буревестник — опустился на палубу и принял свой истинный облик. Друид дрожала от усталости. Она была совсем молоденькой.

«Чем заняты остальные друиды, если Малфуриону приходится отправлять тех, кто только начал учиться?»

— Не вставай, сестричка, — Шандриса остановила эльфийку, — больше не трать силы, только говори. Что случилось?

Кордесса налила девушке немного воды, и Шандриса протянула ей чашу, опустившись на колени.

— Орда, — сказала друид, осушив чашу до дна. — Войско... повернуло. Оно направляется в Дарнас, а не в Силитус. Меня послал Малфурион. Вы все должны вернуться.

Кордессу охватил ужас. Ее словно окатили ледяной водой.

— Нет, — выдохнула она.

Только не Дарнас. Не светлый город, который они построили ценой стольких жертв. А Дел...

Она стояла прямо на пути приближающейся армии.

Шандриса, прошедшая тысячу битв, пришла в себя быстрее Кордессы.

— Их план был великолепен, — проворчала она, — Во всех отношениях.

Ее взгляд стал отрешенным и задумчивым.

— Но они не предполагали, что мы будем плыть так медленно. Первым делом ты полетела ко мне?

— Да, генерал, — ответила друид. — Я должна была сообщить вам в первую очередь.

— Мне жаль просить тебя об этом, но... у тебя достаточно сил, чтобы доставить эту весть на другие корабли? Что идут позади нас? — Тиранда отправляла корабли постепенно, в попытке — тщетной, как оказалось — обмануть Орду.

— Конечно, — сказала юная эльфийка.

Кордесса в этом сомневалась, но другого выхода не было.

— Тогда выполняй, — приказала Шандриса. — Скажи, чтобы плывущие на них друиды использовали свою власть над ветром. Мы должны вернуться на Темные берега как можно скорее. Ты поняла?

Бледная, изможденная эльфийка с энтузиазмом кивнула.

Шандриса улыбнулась и сжала ее плечо:

— Постарайся ради нас еще немного. Потом сможешь отдохнуть. Как тебя зовут?

— Тешара.

— Тешара, — серьезно произнесла Шандриса, — может быть, ты только что спасла свой народ.

Несмотря на усталость и страх, молодая эльфийка повеселела.

Когда Деларин наконец поняла, что означает странный стонущий звук замерзающей под действием магии реки, было уже слишком поздно. Вскоре последовал другой звук — победоносный рев кровожадных солдат Орды, которым наконец открылся путь через реку.

Она никогда не надеялась остановить Орду у Фалфаррена — хотела лишь задержать врагов, чтобы как можно больше невинных смогли уйти, а все способные драться калдорай — вступить в бой. Тем не менее это был тяжелый удар. Орда на шаг приблизилась к цели — когда так много ночных эльфов уже погибло, чтобы остановить ее.

Затем прибыл гонец с вестью, которую она ждала так долгою, вестью, которая прозвучала сладко, как музыка:

— Скоро здесь будет Малфурион.

Друиды сказали юному гонцу, что видели белого оленя, сияющего, как возлюбленный Луны Малорн:

— Некоторым он приказал остаться и помочь, но большинству велел отступить и найти тебя.

«Благодарю, Элуна.»

— С этим войском пришла Сильвана, — сказала гонцу Деларин.

Он промолчал, но его глаза широко раскрылись.

«Не надо было говорить ему. Если он увидит Темную Госпожу, что ему останется... кроме как умереть?»

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Тавар.

— Что ты умеешь, Тавар?

От его смущения не осталось и следа. Он широко улыбнулся, а затем отошел в тень... и через мгновение исчез.

У нее не было времени удивляться, и все же он ее удивил. Для своего юного возраста он был очень хорош. Она подумала об Отрекшемся, убившем Анарис, и его жестокой ухмылке — обо всех погибших от отравленных кинжалов во время атаки, которую ничто не предвещало.

Гнев придал ей решимости. Она воспользовалась его силой, обдумывая внезапно зародившуюся у нее идею.

— Твои таланты мне пригодятся. Найди друидов, с которыми ты говорил. Собери команду. Потом вы пойдете за мной, Тавар. Если Малфурион хочет, чтобы мы выиграли время, именно этим мы займемся.

Вскоре шум битвы остался за спинами солдат Деларин. Уверенно ступая, они неслись по лесу — от разгрома у Фалфаррена к новой цели. Туда, где их могла ждать победа.

Андуина мучила бессонница. С тех пор как началась битва в Ясеновом лесу, он мог лишь иногда ненадолго погрузиться в тревожную дрему.

Он торопливо оделся, зажег свечу и побрел в картографический салон. Там он зажег несколько светильников, осторожно поставил на стол свечу, которую принес с собой, и стал рассматривать разложенную перед ним карту мира.

Ясеновый лес.

Он вспомнил все самые мрачные вести, доходившие до них с Тирандой.

«Мы потеряли Фалфаррен.

Сильвана здесь.

В Дарнасе паника».

— Вижу, ты тоже не можешь заснуть.

Отблеск свечи в руке Генна смягчал его обыкновенно суровое лицо.

Молодой король повернулся обратно к карте.

— Есть вести от королевы?

Гилнеасцы из Воющего дуба прибыли через портал вскоре после того, как за ними отправилась Миа. Королева осталась в Дарнасе и помогала организовать эвакуацию. Ее решение беспокоило Андуина.

— Она посылает мне письма, — сказал Генн, — до чего упрямая женщина. Переправит через портал последнего кролика, только потом вернется сама.

— Кто из вас перенял упрямоту у другого? — спросил Андуин, пытаясь улыбнуться.

Генн хмыкнул:

— Мы вместе уже так давно, что я даже не помню, — он всегда был невозмутимым, но когда речь заходила о его семье, чувства Генна угадывались яснее, чем ему хотелось бы. — А почему не спишь ты, мой мальчик?

Андуин ответил не сразу. Он показал на карту:

— У нас даже фигурок не хватит, чтобы обозначить такую огромную армию, — его голос начал срываться. — Генн... Дарнас падет.

— Я знаю, — мягко произнес старый король, подходя к Андуину. — Нужно признать, Орда выбрала прекрасную стратегию.

Андуин поморщился.

— Сначала Терамор, теперь Дарнас. Они захватят весь Калимдор, кроме острова Лазурной Дымки. И помани мое слово, скоро нам придется эвакуировать и дрениев.

Дрени были практически не в состоянии помочь попавшим под удар ночным эльфам, хотя некоторые храбрецы из их числа и отправились сражаться в Ясневый лес. А после падения Дарнаса Орда, несомненно, обратит свой голодный взгляд на остров Лазурной Дымки.

— Возможно.

Молодой король потер усталые глаза:

— Их стратегия еще лучше, чем ты думаешь.

— Да? — Генн нахмурился. — И чем же?

— Орде никогда не одержать верх над действительно единым Альянсом. Наша сплоченность делает нас непобедимыми, даже без флота, — сказал

Андуин, напоминая об огромном уроне, который флот обеих сторон потерпел у Расколотого берега в начале войны с Пылающим Легионом. — Но разделив нас, они смогут покончить с нами по очереди.

— Этому никогда не бывать.

Андуин посмотрел на угрюмого воина, ставшего его наставником и другом.

— Ты уверен? — тихо спросил он. — Что произойдет, когда калдорай потеряют свое Древо Жизни?

— Мы отомстим. Мы выступим на Подгород.

— Они нам не позволят: Дарнас будет у них в заложниках. Как бы мы ни старались, мы не успеем перевести всех через порталы, пока город не падет. Это просто невозможно. Если мы нападём на Подгород или Луносвет, Орда уничтожит Древо Жизни и всех пленников. Думаешь, ночные эльфы это стерпят?

Генн помрачнел еще больше. И ничего не ответил.

Тихо, почти шепотом Андуин продолжил:

— А как насчет Гилнеаса? Что ты мне скажешь, если я решу помочь калдорай в первую очередь?

Именно так он и поступит, если Орда будет угрожать тысячам пленных. И Генн это знал.

— Я не могу действовать, когда в Альянсе нет единства, — сказал Андуин. — Именно эту цель сейчас преследует Орда. Не просто взять Дарнас. Но использовать его против нас — нанести удар в самое сердце того, что объединяет наши королевства. Сильвана собирается настроить нас друг против друга. Вот в чем состоит ее настоящий план, — он покачал головой, глядя на маленькие фигурки на столе. — Глупо было с моей стороны не понять этого раньше.

После долгого молчания Генн спросил:

— Когда ты успел столько узнать о стратегии?

Андуин невесело рассмеялся:

— Вместо того чтобы оттачивать мастерство боя на мечах, я читал.

— Что ж, значит, ты и правда глупец.

Удивленный, Андуин повернулся к Генну.

— Глупец, если допускаешь, что твое решение помочь калдорай заставит меня от тебя отвернуться. Хочу ли я вернуть свое королевство? Хочу ли я, чтобы мой народ мог возвратиться домой? Конечно, хочу! Но настолько ли сильно, чтобы обречь на муки невинных ночных эльфов, которые так помогали гилнеасцам в последние несколько лет? Они ослабили проклятие воргенов, и мы перестали тонуть в безумии. Они накормили и укрыли нас в своем доме, когда у нас не осталось *ничего*.

Генн издал презрительный звук, что-то среднее между пыхтением и рыком.

— Нет. Я никогда не отплачу за доброту предательством, отвернувшись от друзей в трудный час. Сильване этого не понять — она не вполне понимает живых. И, несомненно, Альянс она тоже не понимает. Но скоро ее ждет неприятный сюрприз — помани мое слово.

Несколько мгновений Андуин лишь ошарашенно глядел на него. Затем — казалось, в первый раз за целые тысячелетия — он улыбнулся с искренней радостью. Среди сгущавшегося мрака, среди страха, подозрений и горя теперь нашлось нечто доброе, сильное и искреннее — то, что придавало ему сил. И это подарил ему Генн Седогрив — вспыльчивый и угрюмый упрямец, который когда-то отвернулся от Альянса и скрылся за стеной интересов своего королевства.

— О, я запомнил твои слова, Генн Седогрив: они словно бальзам для моего сердца. словно путеводный огонек среди непроглядной тьмы.

Обернувшись, мужчины увидели стоящую в дверях Тиранду, все еще одетую в свою жреческую мантию. Сквозь боль и напряжение на ее лице проступали мягкость и легкость, которых Андуин не видел уже несколько дней. Она подошла к ним со свернутым свитком в руке.

— Я пришла с дурными вестями. И не думала, что услышу слова, целительные для моей души, когда принесу их. Благодарю вас за это.

Она подняла руку и что-то тихо сказала. Хотя это было невозможно, Андуин почувствовал, как его светлые волосы взлохматил ветер. Он почувствовал запах летнего леса, полного жизни, а его нервное истощение улетело прочь, как невесомые семена одуванчика.

— Расколу в Альянсе не бывать. Даже если мой город падет, она закрыла глаза, сдерживая боль. — Орда штурмует последний рубеж обороны — Астранаар.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

*Наш славный город
под ударом.
В последний раз
мы примем бой.
Под светом лун,
под песню стрел
к победе мы пойдём
иль встретим смерть.*

«Возвращайся немедленно. Войска Орды наводнили Ясневый лес и направляются к Древу Жизни. Возвращайся, пока еще это возможно».

Миа поблагодарила гонца, у которого наверняка были дела поважнее, чем доставлять письма Генна Седогрива его жене. Сложив письмо, она спрятала его у сердца. Он выразался прямо и резко. Кому-то его слова могли показаться бесстрастными или даже грубоватыми, но Генн и Миа были женаты несколько десятилетий, и королева в точности понимала, что означает это краткое письмо. Ее муж был крайне обеспокоен.

И для беспокойства у него были веские причины.

Однако у нее были не менее веские причины оставаться в Дарнасе как можно дольше.

На то, чтобы отправить в Штормград всех гилнеасцев, ушло два-три часа, не больше, но Миа любила жителей Дарнаса и собиралась остаться с ними до последнего. Она стала посланницей Штормграда как само собой разумеющееся. Встав на бортик лунного колодца, чтобы ее было лучше видно, она направляла потоки все более взволнованных ночных эльфов, собиравшихся в храме Луны, уверяя их, что в королевстве людей им ничего не будет угрожать — что там им помогут.

Воспользовавшись редким затишьем, к ней подошла Астария.

— Сомнения терзают мое сердце, — сказала жрица, — мне так хотелось бы, чтобы ты была далеко отсюда, в Штормграде. Но в то же время я рада, что ты здесь. Мой народ верит тебе — ты и твои подданные заслужили это доверие. Если ты говоришь, что в Штормграде мы будем в безопасности, значит, так и есть.

От этих слов у королевы внезапно навернулись на глаза слезы.

— Мой муж встречает их по другую сторону портала. Мы эвакуируем всех. «Как-нибудь», — подумала она, но вслух не сказала.

— Не говори так, — ответила Астария тихо, чтобы услышала только Миа.
— Ведь это уже не может быть правдой.

Сердце королевы Гилнеаса сжалось от этих слов — ведь она знала, что жрица права. — Ты меня пристыдила.

— Я не хотела тебя стыдить.

— Я знаю. Ты права.

Она снова повернулась к толпе и окинула ее взглядом.

— Мы дадим пристанище всем, кто доберется до Штормграда. И пошлем войска освободить тех, кто не сможет, — она решительно подняла подбородок. — И эти войска поведет мой муж.

Услышав это, Астария благодарно улыбнулась.

— В это, — сказала она, — я охотно верю.

Среди друидов, которых привел Тавар, Феррина не было.

Страх сжал сердце Деларин ледяной рукой, но она прогнала его. Если он был жив, он сражался за свой народ где-то еще. Если его убили, она уже не могла это исправить. Уже погибло так много ее соратников. А вскоре погибших станет еще больше. И, возможно, среди них окажется сама Деларин. Она давно смирилась с таким исходом — как только стала часовой. Ее предназначением было защищать калдорай, и теперь она делала все возможное, чтобы выиграть для них время.

А что до мертвых... теперь они пребывали с Элуной. Их тела вернутся в землю. Они продолжают существовать, но уже в иной форме.

Когда Деларин объяснила свой план, ее соратники ужаснулись — как она и ожидала.

— Это наши друзья! Наши родные! — Марила, одна из астранаарских охотниц, пылала от негодования. — У них больше ничего не осталось!

— Их души уже покинули тела, — ответила Деларин. — Да, конечно же, их тела нужно почтительно вернуть земле. Но если мы хотим спасти тысячи наших соотечественников, которые сейчас отчаянно пытаются покинуть Дарнас, на эти обряды у нас нет времени. Для тех, кто погиб, все кончено, Марила. Они погибли, исполняя свой долг — спасая жизни других. И теперь они смогут... исполнить его в последний раз.

Деларин не хотелось отдавать этот приказ в открытую. Мысль о том, что она собиралась сделать, была для нее столь же мучительной, как и для остальных. А если бы здесь лежала Кордесса?

А Феррин?

И она знала ответ — поступила бы так же, если бы их тела действительно лежали перед ней. Да. Смогла бы поступить... Потому что каждый ночной эльф на ее месте сделал бы все возможное, чтобы не дать Орде осквернить свой сияющий город.

— Мы будем их помнить, — сказала Деларин, когда остальные, морщась от отвращения, все же отправились исполнять ее приказ.

Источником мрачного вдохновения для Деларин стали рассказы о том, как несколько лет назад Орда захватила Приют Серебряного Ветра. Тех, кто пытался бежать, перебили, а тела их оставили разлагаться на земле в назидание другим.

Ночные эльфы тщательно выбирали мертвые тела. Они искали погибших в бою вблизи Астранаара. Они осматривали трупы, часто принадлежавшие их друзьям, проверяя, можно ли спрятать раны под оружием, плащами или другой одеждой.

Деларин приказала поискать и дальше в лесу — она надеялась, что удастся обнаружить убитых разбойниками, набросившимися на них из теней... Уже сколько дней назад? Деларин потеряла им счет. Слишком много времени прошло в боях, сменявшихся лишь краткими минутами отдыха, когда поспать или поесть

можно было лишь урывками, в отчаянных попытках устоять против двух лучших умов Орды и армии, превосходившей ночных эльфов по численности в восемь раз. А теперь, может быть, еще больше.

С тяжелым сердцем она приступила к работе. Зачем-то она носила с собой клинок Отрекшегося, который убил Анарис. Теперь она сняла его с пояса и осмотрела, чтобы убедиться, что на нем еще осталась смертельная отрава. Яд еще не сошел, хотя его покрывал слой запекшейся крови предыдущего командира гарнизона Ясеневого леса. Подойдя к часовой, убитой стрелой следопыта, Деларин опустилась на колени рядом с павшей ночной эльфийкой, вытащила стрелу... и вонзила в рану отравленное лезвие.

Позади нее раздались несколько приглушенных вскриков, да и сама Деларин почувствовала в сердце укол боли.

«Прости меня... Я буду молиться, чтобы сегодня тебе удалось спасти еще много жизней».

Вытаскивая клинок, она наклонила его так, чтобы черное, как смола, пятно яда было хорошо видно у края раны. Затем она пошла к следующему труп. В конце концов, остальные часовые последовали ее примеру. Она любила их всем сердцем в эту минуту, так как знала, чего именно это им стоило... и какое глубокое доверие к ней означало их повиновение.

Тавар предложил несколько сосудов с ядом для их мрачной миссии. Деларин поблагодарила молодого разбойника. Она ненавидела себя за просьбу, с которой собиралась к нему обратиться.

— Ты многое умеешь и очень талантлив, — сказала она.

Его щеки залились краской, и он поклонился.

— Я рад, что ты так считаешь.

— Зря, это должно тебя беспокоить, — ответила Деларин. — У меня к тебе просьба. Ты вполне можешь погибнуть, исполняя ее.

Он посерьезнел и внутренне собрался. Показывая на окружающие их трупы, он ответил:

— Если так, я присоединюсь к ним — и с гордостью.

Эта храбрость так тронула ее, что ей захотелось разрыдаться. Но она не могла. Элуна знала, что позже у них будет достаточно времени, чтобы плакать и слагать элегии в честь павших — если кто-то из них выживет в этой битве.

— У тебя хорошо получается скрываться в тени. А убивать ты умеешь?

Его улыбка стала почти жестокой, и он уже не казался таким молодым.

— Очень хорошо.

— А как у тебя с маскировкой?

— Великолепно.

Она чуть не рассмеялась.

— Можно подумать, что ты умеешь все, Тавар.

Затем, уже серьезнее, она продолжила:

— Не нужно стараться произвести на меня впечатление. Отвечай правдиво. Сейчас мы не можем позволить себе провал.

— Я могу забирать жизни, и мне приходилось их забирать, — ответил он серьезно, — и я превосходно умею маскироваться.

— Покажи.

Тавар заколебался.

— Прямо сейчас?

— У нас еще будет время нарядить тебя подходящим образом. Сейчас покажи мне только, как ты способен играть без костюма.

Он снова замялся. Почувствовав раздражение, она отвернулась — и застыла, когда кто-то схватил ее за руку. По сравнению с рукой ночного эльфа эта рука была грубой и неуклюжей: пальцы стали короче, ладони — шире. Деларин повернулась. Снизу на нее смотрел мужчина человеческой расы с тонкими и правильными чертами.

— Это лучшее, на что я сейчас способен, — сказал он с сильным штормградским акцентом. И только теперь, вздрогнув, она заметила длинные уши калдорай. Каким-то непостижимым образом до этого ее взгляд скользил мимо них. Она покачала головой и сказала:

— Прими свой обычный облик.

Он распрямился, сбрасывая обманчивую тень, которой себя окутал.

Деларин задумалась.

— Хорошо ли у тебя получается прикидываться Отрекшимся?

Тавар улыбнулся во весь рот.

В основе плана лежала хитрость, а Деларин в этом не была сильна. Но это был единственный выход — иначе оставалось только сражаться и умереть. Осадные машины проедут по ее останкам, и Орда все равно продолжит свой неумолимый марш на Тельдрассил.

Когда разведчики вернулись с вестью о том, что лазутчики Орды в нескольких часах пути, отряд Деларин скрылся в тени лесов, окружающих Астранаар. Сидя на дереве, Деларин думала, как легко было бы Феррину на него забраться. Она представила, что он сидит на верхней ветке, игриво помахивает хвостом и ждет, пока она его догонит.

Нужно было смириться с его гибелью. Но тогда пришлось бы скорбеть по нему, а Деларин не могла себе этого позволить. Время еще не пришло. Поэтому она уверяла себя, что он сражается где-то еще; Элуна знала, что сейчас в Ясеновом лесу биться с Ордой можно было повсюду.

«А он любил славную драку.

Любит славную драку».

Первой проверкой для их плана стали разведчики Орды. Заметят ли они подвох? «Они выглядят усталыми», — подумала Деларин. Очень скоро, пошныряв вокруг озера Астранаар (и, конечно, не обнаружив эльфов, спрятавшихся всего в паре минут ходьбы), один разведчик — эльф крови — поддел труп носком сапога и, приподняв, оценивающе осмотрел его.

— Клинок разбойника, — сказал он.

— И здесь тоже, — ответил тролль. Он понюхал второй труп.

— Пахнет кровью.

Деларин напряглась. Будет ли тролль изучать труп дальше? Поднимет ли плащ и увидит спрятанную под ним огромную рану от меча? Тогда им ничего не останется, как убить разведчиков и оставить эту местность Орде.

— Но ядом тоже воняет, — продолжил тролль.

— Думаю, те, кто не умер, сбежали, — сказал эльф крови. — Труссы.

— Эти «труссы» убили многовато наших, — ответил тролль.

Другой разведчик пожал плечами.

Несмотря на усталость, Деларин готова была закричать от радости.

Прошло несколько часов. Прибыла пехота Орды и разбила лагерь на острове, который легко было бы оборонять, — как и надеялась Деларин.

С грохотом подъехали повозки и караваны. Деларин так долго сидела неподвижно, что у нее ныли мышцы. И все же она напряглась, когда с одной из повозок слез верховный воевода Саурфанг. Он был умнее и осторожнее большинства попадавшихся ей воинов из этой армии. Почувствует ли он что-то неладное?

Однако он ничего не заметил. Просто спросил о битве, которой здесь не было, и одобрительно хмыкнул, когда стоявшая рядом орчиха предположила, что ночных эльфов перебили ордынские разбойники.

Саурфанг прошел достаточно близко от Деларин, чтобы в него можно было попасть из лука. Однако ни она, ни ее товарищи не выстрелили. Она мысленно поблагодарила Элуну за их — и свою собственную — выдержку и дисциплину. Через час прибыли ненавистные осадные машины и прервали свой неуклюжий марш, остановившись на обочине главной дороги в Астранаар.

Соскользнув на нижнюю ветвь дерева, Деларин продолжила следить за ордынцами. Эта ветка была достаточно длинной, чтобы с нее отлично можно было рассмотреть не только один из входов в таверну, но и что происходит внутри. Она встретилась взглядом с Таваром, сидевшим на другом дереве, и кивнула.

Он кивнул в ответ... и исчез. Через полчаса к таверне подошел очень высокий Отрекшийся. На нем были доспехи и отличительный знак телохранителя Сильваны Ветрокрылой. Только через три удара сердца она узнала в нем юного Тавара. «Элуна наградила тебя великим даром, хоть и темным, — подумала она, — да пребудет с тобой ее благословение».

Уверенной походкой Тавар зашел в таверну. Это было последнее испытание, от исхода которого зависело все. Если Тавара ждал успех...

Он задержался у входа. Деларин наклонилась вперед и напрягла слух. Ее поразил странный, замогильный тембр его голоса, столь характерный для Отрекшихся. У него получалось *очень* хорошо.

— Верховный воевода Саурфанг! Немедленно на выход.

Однако верховный воевода Саурфанг был не в настроении повиноваться. Он злобно уставился на Тавара, затем вернулся к своим картам, но Деларин не смогла расслышать, что он пробурчал. Она снова напрягла слух.

Тавар попытался еще раз.

— Вождь ожидает тебя. Ты отказываешься подчиняться ее приказам, верховный воевода?

Деларин нахмурилась.

«Будь осторожен, Тавар».

К счастью, Саурфанг, по-видимому, не заметил, что разбойник переигрывает, — он встал и пошел к двери. Но вдруг остановился.

«Неужели он...»

Но нет. Саурфанг просто вернулся за своим топором, который забыл на столе.

Однако другой орк увидел то, что ускользнуло от внимания его командира. Сердце Деларин лихорадочно заколотилось, когда этот орк встал между Саурфангом и Таваром и что-то произнес.

— Меня послала моя королева, — сказал Тавар, — тебе этого должно быть достаточно.

Деларин уловила панические нотки в его голосе и вознесла молитву Элуэне о том, чтобы враги их не заметили.

Саурфанг сжал в руке топор и сказал еще что-то, что не расслышала Деларин.

— Ты слышал приказ. Выходи, верховный воевода. Долго еще ты будешь перечить вождю? — Тавар справился с волнением и теперь говорил ровным, почти скучающим тоном.

Но было уже поздно. Деларин поняла это. Ее охватило тяжелое, горестное подозрение, что это понимал и Тавар.

Саурфанг вышел вперед, и теперь Деларин могла слышать слова старого орка:

— Я не верю, что в тебе есть хоть капля верности вождю. Скажи мне, ночной эльф, как тебя называет Малфурион?

«Элуна... Нет, молю тебя!»

— Доставай клинок, убийца, или умри, убегая!

Деларин могла только беспомощно наблюдать. Полная горя и гнева, она смотрела, как Саурфанг бросился в бой — и как Тавар, такой молодой, такой талантливый, кого ждало еще столько славных дел, выхватил свои клинки и напал на верховного воеводу Орды. Его удар не попал в цель.

В отличие от удара Саурфанга, жестоко разрубившего шею молодого эльфа.

Когда Тавар упал на пол таверны, маскировка исчезла, и сквозь пелену напрасных слез Деларин увидела его настоящее лицо в последний раз. Его увидел и орк — на морщинистом зеленом лице отразилось удивление: несомненно, Саурфанг понял, как молод был его противник.

Саурфанг сказал что-то. В его голосе послышались нотки сожаления. Тавар плюнул на обувь верховного воеводы, прежде чем умереть.

Теперь — слишком поздно для Тавара — Саурфанг вышел из таверны. Деларин думала, что вся ее боль уже позади, но она ошибалась. Ее руки сильнее сжали ветви.

«Ты выполнил свою задачу, Тавар. Покойся с миром».

— Все внимание на меня! Орда что, забыла, что мы на войне? — заорал Саурфанг. Его переполняла ярость. — Вам что, нужно напомнить...

Он резко замолчал.

«Нет», — беззвучно крикнула Деларин.

Утомленный битвой и бессонными ночами, старый воин чуть было — чуть было — не потерял бдительность настолько, чтобы их нападение из засады удалось.

«Оно все равно удастся», — уверила она себя.

Верховный воевода Орды бросился обратно в астранаарскую таверну в поисках укрытия. Но земля под его ногами уже дрожала, как готовящийся напасть дикий зверь. Воздух стал тяжелым и душным, и Деларин позволила себе яростную, почти жестокую улыбку, почувствовав, как ее волосы встают дыбом. Она закрыла уши руками. И все равно ее чуть не оглушил грохот, подобный звуку падающего с утеса валуна. Сокрушительный удар потряс землю.

Малфурион Ярость Бури, воплощение гнева, грации и силы, приземлился там, где менее секунды назад стоял Саурфанг.

— Лок-нараш! — крикнул верховный воевода.

«К оружию. Самое время», — подумала Деларин.

Наконец-то. За Тавара, Ваннару, Маруа и даже Анарис. За Феррина. За всех павших. Деларин не верила в отмщение. Но она верила в справедливость. И то, что должно было произойти, — было справедливым.

С иступленным боевым кличем ночные эльфы покинули свои укрытия на деревьях и бросились в битву вместе с дорогим их сердцу шан'до.

Он был уже не добрым, заботливым шан'до, говорившим мягко и ступавшим так легко и осторожно, что его кошачьи лапы, казалось, не могли сломать ни травинки. Теперь он был воплощением гнева самой природы. Казалось, что он даже ростом стал выше. Он возвышался над бросившимися врассыпную воинами Орды, и даже таурены выглядели рядом с ним слабыми и хрупкими. Деларин задрожала от яростной радости в предвкушении победы... и смерти Саурфанга.

Засада застала Орду практически врасплох. Враги, мечущиеся в поисках спасения, стали отличной мишенью для стрел. В эти первые минуты битвы калдорай смогли с лихвой компенсировать огромное численное превосходство врага.

Деларин натягивала тетиву и выпускала стрелы одну за другой. Семь воинов Орды упали с торчащими из горла или глаз стрелами, прежде чем врагу удалось хотя бы обнаружить, откуда исходит угроза. Друиды были хищниками, преследующими жертву, а воины... Их оружие разрубало врагов пополам, отсекало головы, пробивало броню. Ордынцы умирали, как мухи.

Малфурион бросился за Саурфангом в таверну. Оттуда вылетели крики боли — и разъяренный вопль Саурфанга. Деларин не могла отвлекаться на

то, чтобы прислушиваться, но среди грохота битвы она различила одно слово: *мак'гора*. Старый орк вызывал Малфуриона Ярость Бури на поединок чести.

Это было почти — *почти* — забавно. Позже, за бокалом вина с Феррином в спасенном ими Дарнасе, она посмеется над этим.

А пока она продолжала убивать.

Она не слышала, что Малфурион ответил на этот вызов. Но она услышала треск и скрип, увидела, как корни вырастают из почвы и стремительно взбираются по стенам таверны, хватаясь за прочный камень и раскалывая его. Грохот стал оглушительным, и храбрые воины Орды на мгновение застыли в нерешительности.

И заплатились за это. Все больше их погибало от рук калдорай.

Затем крыша таверны начала обваливаться. Саурфанг все еще находился внутри.

Элуна была милостива.

Но затем... Деларин затрясло с ног до головы. Повинуясь какому-то доисторическому инстинкту, она отшатнулась. Ее волосы снова встали дыбом, но уже не от присутствия Малфуриона и его почти божественной власти над природой, а от чего-то другого — искаженного, ложного и противного природе.

Стрела, за древком которой как змея вился призрачный темно-фиолетовый дым, не предназначалась ей, но пронеслась всего в дюйме от ее щеки. В нескольких шагах от нее Малфурион скрестил руки, перья на которых встали, закрыв лицо. Стрела взорвалась в воздухе перед ним, а его тело окружило изумрудное сияние. Цвет природы. Цвет негибаемой воли калдорай.

— Нет! — из горла Деларин вырвался крик мучительного, разъяренного отчаяния.

«Они были у нас в руках! Все это должно было кончиться здесь!»

Ее вопль привлек внимание королевы банши. Уже натянув тетиву и выпустив следующую стрелу, эльфийка замерла и обернулась. В это мгновение земля снова задрожала, и все, что оставалось от таверны, обрушилось.

Горящие красные глаза посмотрели в глаза Деларин, и на черных губах заиграла жестокая улыбка. Этот взгляд пронзил Деларин, словно он

тоже был стрелой. Затем Сильвана Ветрокрылая перевела взор на более достойного противника.

Деларин должна была радоваться своему везению. Немногие из ее соотечественников выжили после того, как на них упал этот взгляд. Но когда Малфурион выкрикнул слова вызова и зеленая энергия жизни столкнулась с исходившими от Сильваны миазмами бесплодной смерти, она могла чувствовать лишь горечь. Горечь и холод.

Воины Орды зашлись в восторге. Появление Малфуриона испугало их, а когда на их верховного воеводу обрушилась таверна, они были ошарашены. Но нерешительность сменилась яростью, вновь вспыхнувшей с появлением вождя.

Малфурион предвидел появление Сильваны Ветрокрылой и передал Деларин указания о том, как действовать в этом случае. «Если на то будет воля Элуны, когда она появится, Саурфанг будет уже убит, а остатки его армии — деморализованы. Даже если случится иначе, ты должна отступить на север, — писал он. — Если смогу, я найду тебя на границе между Ясеновым лесом и Темными берегами».

Отступить на север, чтобы узнать, получил ли отправленный в Фералас флот послание Малфуриона и смог ли он вопреки всему прибыть вовремя.

«Нам почти удалось».

Деларин поднесла к губам рог и подала сигнал к отступлению.

Астранаар был хорошим местом для этой рискованной затеи — которая отчасти оправдала себя. Однако в северной части Ясенового леса положение ночных эльфов оказывалось еще более выигрышным: океан с одной стороны, а с другой — неприступная горная цепь. На пути к своей цели Орде придется преодолеть очень узкую лесную тропу.

Вдобавок там скрывался еще один союзник ночных эльфов — нечто, о чем враг вряд ли подозревал.

Теперь, когда нападения калдорай прекратились, Орда продвигалась по северо-восточной части Ясенового леса удивительно быстро. Она почуяла победу, и это придало ей энергии.

«Еще рано вам пить из этого кубка, — думала Деларин. — Мы будем сопротивляться, пока последний из нас не перестанет дышать — и даже после».

Как и обещал, Малфурион встретился с войсками Деларин на границе. С ним была та, кого командир боялась не увидеть больше никогда, — Эриаднар. Две эльфийки крепко обнялись, и Деларин поблагодарила Элуну за то, что подруга выжила. Эриаднар, верховный друид, Деларин и остатки ее войска — так поредевшего с того первого ужасного дня, когда Феррин разделался с их неудавшимся убийцей — принялись ждать. Ненависть и жажду действия у ночных эльфов уравнивали терпение, присущее долгожителям.

Деларин отправили на юг, следить за врагом. Орда разбила лагерь на берегу возле руин заставы Зорам'гар — на открытом пространстве, зная, что здесь ночные эльфы не отважатся напасть. Деларин различила среди громоздких троллей, тауренов и орков стройную и грациозную фигуру вождя и почувствовала укол разочарования, увидев, что Саурфанг выжил в схватке с Малфурионом.

Она не поняла, что кричал своим соратникам орк — он был слишком далеко, но несколько солдат бросилось вперед под восторженные возгласы. Саурфанг звал с собой добровольцев. Более сотни вооруженных и облаченных в броню солдат Орды направились с пляжа в лесную тень.

«Что ж, иди, Саурфанг. Мы готовы тебя встретить. Мы все тебя ждем».

Деларин учили уважать достойного противника. Тем не менее в следующие несколько часов, когда она незаметно следовала по пятам за отрядом Орды, Деларин чувствовала жестокую радость, наблюдая, как ордынцы углубляются все дальше и дальше в лес — и все больше волнуются с каждой минутой, прошедшей в тщетном ожидании атаки. Иногда терпение могло быть приятным.

«Представление», — написал Малфурион в своих указаниях. Сначала Деларин не вполне поняла, что это значит. Но теперь все стало ясно. Им предстояло сыграть смертоносный спектакль, успех которого зависел от иллюзии, полуправды и таинственных сил.

Итак, она ждала. Лес освещали сияющие полупрозрачные воздушные сферы, парившие неподвижно или носившиеся между деревьями. Те, кто не понимал, что это такое, считали их лишь красивыми, завораживающими огоньками. Те, кто знал, питали к ним уважение и почтение, чувствовали благодарность... или страх. Это были огоньки — духи дорогих калдорай умерших. На мгновение Деларин задумалась, был ли среди них кто-то из погибших сегодня

— был ли среди них Феррин. Однако она отмахнулась от этой мысли. Сейчас отвлекаться было как никогда некстати.

Троль помахал толстой трехпалой рукой, раздраженно отгоняя несколько вившихся вокруг него огоньков. Со свистом рассек воздух хвост таурена, чьи уши задергались, словно эти сияющие сферы размером с голову калдорай были лишь назойливыми насекомыми.

«Глупцы, — подумала Деларин. — Идите дальше...»

Прошло еще несколько минут, прежде чем Саурфанг осознал угрозу. На некрасивом гортанном языке орков он выкрикнул приказ к отступлению. В его голосе слышался страх.

И этот страх был вполне оправдан. Небольшие группы огоньков и в самом деле были безобидны. Но когда вместе собиралось много этих духов, они могли победить и повелителя демонов — и так уже случалось.

А теперь... Малфурион Ярость Бури вызвал на сцену главных актеров этой драмы.

— Аш карат, — его голос прогремел как гром. — Приступайте!

Это был одновременно приказ, отданный духам, и дразнящий вызов, адресованный Орде. Вторые отступали так быстро, как только могли, — по крайней мере самые умные из них, послушавшиеся Саурфанга.

Огоньки исполнили приказ шан'до, и лесную полутьму сменил яркий свет. Все ордынцы, неосторожно зашедшие под сень деревьев слишком далеко, чересчур поздно поняли, что им грозит. Плотной волной света огоньки захлестнули тех, кто был чрезмерно глуп или чрезмерно растерян, чтобы сбежать вместе со своим командиром. Они скрыли их от глаз — но не заглушили крики боли, разнесшиеся по всему лесу. И Деларин была рада этим звукам смерти.

Оставшиеся воины Орды бросились в беспорядочное, тщетное бегство. Огромный орк, весь увешанный оружием, споткнулся об один из оживших корней, извивавшихся, как змея, и тяжело рухнул на землю. Его тут же скрыло гудящее белое облако. Мгновение спустя облако снова поднялось в воздух и понеслось к следующей жертве гнева огоньков. Позади они оставляли лишь обугленные скелеты, а иногда и вовсе только пепел.

— Ко мне! — крикнул шан'до.

Теперь был выход эльфов — и они начали исполнять свои роли в этой пьесе о жизни и смерти. Они поднимались из подлеска или спрыгивали с веток, где прятались раньше, и присоединялись к своему владыке в преследовании врага. С гневным гулом огоньки нападали на ордынцев, убежавших той же дорогой, какой наступали.

По наблюдениям Деларин, верховный воевода привел около сотни воинов. Лишь малая их часть — не более дюжины — вернулась на берег возле заставы Зорам'гар. Остальные пали жертвами огоньков.

Когда его воины достигли лесной опушки, Малфурион приказал остановиться. Он поднял свои могучие мускулистые руки, и сияющий рой огоньков бросился к нему, а затем слился в стену, заслонившую их живых собратьев.

Через несколько мгновений, снова повинувшись беззвучному приказу, стена огоньков раздвинулась, как занавес. За ней на вершине небольшого холма стоял Малфурион Ярость Бури, а все его воины рядами выстроились перед ним, чтобы их казалось больше. Ветви стоявших рядом деревьев зашевелились, жадно загребая воздух... пока что.

— Пора положить этому конец, — сквозь застывший воздух звучный и глубокий голос Малфуриона донесся до ордынцев, собравшихся на берегу. — Орде не ступить больше ни шагу в наши земли, если она не хочет заплатить за это жизнями своих солдат. Клянусь, что это так.

Занавес из живого света снова закрылся.

Представление шло своим чередом.

Следующий ход был за Ордой.

Деларин слегка поникла, однако на лице у нее была улыбка.

— Шан'до, — сказала она, — как ты узнал, что это работает?

Малфурион улыбнулся. Обычно улыбка делала его лицо добрее, но теперь она только подчеркивала его свирепость. Он низко поклонился огонькам, ответившим на его зов.

— Страх может стать хорошим инструментом, если пользоваться им мудро, — ответил он. Его гулкий голос был полон решимости. — Вместе с тем многие глубоко суеверны. Я предвидел, что духи-защитники не только уничтожат тех,

кого окружают, но и испугают тех, кому удастся сбежать. Они заразят своим страхом всю армию Орды. Ее войска не могут продвигаться вперед, миновав огоньки, наши стрелы и гнев леса.

Малфурион окинул взглядом обращенные к нему лица.

— Это наша земля. Наш дом. Им не победить. Мы будем драться до последнего вдоха, если понадобится. Мы будем стоять у них на пути до...

Великий друид осекся, почувствовав что-то. Он поднял взгляд к небу. Деларин тоже посмотрела вверх, но сначала ничего не увидела. Потом она заметила буревестника. Он подлетел к шан'до и принял облик юной калдорай. Эльфийка преклонила перед ним колени. Видимо, она была слишком взволнована, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Великий шан'до, — сказала девушка, — я только что с корабля генерала Шандрисы Оперенной Луны. Флот прибыл!

— Элуна услышала наши молитвы! — воскликнул Малфурион, и собравшиеся вокруг воины вторили ему восторженными криками. Раздались пушечные выстрелы, подтвердившие слова друида. Деларин ничего не было видно за сияющей стеной из огоньков, но ее сердце подпрыгнуло от радости.

Между залпами орудий калдорайского флота Деларин и ее соратники расслышали, как Саурфанг выкрикивает приказы к отступлению. Теперь у Орды не будет шанса разместить на берегу осадные машины. Стоит им только попробовать, и эти громадные орудия обратятся в груды дымящихся щепок.

Армия Орды была в ловушке — зажата между яростью эльфийских духов и мощью эльфийских кораблей. Победа была еще возможна. Орда обладала численным преимуществом. Но ей пришлось бы теснить огоньки назад шаг за шагом, и каждый шаг означал бы для нее новые потери. Это был бы очень медленный путь, который ордынцам пришлось бы пройти под пушечным огнем. Он занял бы долгие недели — а подкрепление Альянса уже отплыло на помощь ночным эльфам несколько дней назад.

«Мы можем победить», — подумала Деларин, и это откровение чуть не лишило ее чувств.

Тешара вернулась к Шандрисе с широкой улыбкой на лице и добрыми вестями. Однако и генерал, и команды ее кораблей уже увидели приветственное мерцание огоньков. Они оттеснили Орду с занятого ею места на берегу на опушку леса — туда, где ее поджидал Малфурион Ярость Бури.

— Шан’до призвал огоньки на защиту нашей родины, — сказала Тешара. — Наша армия понесла потери, но уцелевшие в боях закрывают Орде путь к Тельдрассилу. Врагу некуда бежать.

Сказано это было с уверенностью, которой могут похвастаться лишь юнцы. Но Кордесса знала, что это была чистая правда. Снова обретя надежду, она не смогла удержаться от того, чтобы слегка не подразнить юную эльфийку.

— Нет, есть куда, — сказала она. — Пусть бегут домой, поджав хвост.

Все пути, кроме отступления, сулили Орде гибель. С запада их обстреливал флот. Малфурион и калдорай — живые и павшие — не давали им продвинуться на север, а к востоку лежал Оскверненный лес и возвышались неприступные горы.

— Еще рано праздновать, — напомнила им Шандриса, опустив подзорную трубу. — Они ушли с берега, но если мы будем продолжать обстрел, то рискуем попасть в огоньки.

Тешара поникла, а Кордессу покинуло воодушевление.

— И все же они в ловушке, если не решат отступить.

— Да. И мы сможем удерживать их здесь, пока не придут корабли из Штормграда.

— Разве нельзя атаковать сейчас? — спросила Тешара. — Высадиться на берег?

— Но, дитя мое, прибыли еще не все наши корабли. Для решающей победы в рукопашной схватке нас здесь еще слишком мало. Нет. Время работает на нас. Пока что у нас преимущество. Если они попытаются вести ответный огонь, мы сможем уничтожить их осадные орудия. Будем ждать.

Она улыбнулась.

— И стрелять время от времени, просто чтобы они не забывали о нашем присутствии.

Часы тянулись, пока прибывала оставшаяся часть флота. Некоторые на кораблях спали. Другие убивали время за играми. Небо окрасилось сумраком, а затем наступила ночь. Вернувшись из своего разведывательного полета, Тешара сообщила, что много солдат Орды — несколько сотен — отправились искать путь на Темные берега через горы Оскверненного леса. Шандриса рассмеялась, услышав это.

— Наверняка они знают, насколько это безнадежно.

Кордесса согласилась.

— Меньше ордынцев — меньше проблем.

Позже юная эльфийка-друид пожаловалась, что ей скучно, а Кордесса засмеялась, потрепала ее по коротким зеленым волосам и велела радоваться этому.

Но каждую из них обурежала жажда деятельности. Было досадно, что, прибыв сюда так быстро, они все еще не могут вступить в бой.

Скоро их желание исполнилось.

Ордынцы начали выкатывать вперед свои осадные машины. Матросы, не теряя ни минуты, стали обстреливать огромные орудия. Первые залпы флота уничтожили пару-тройку, но остальные...

Они стреляли не камнями. Они стреляли огнем: нестабильными, магическими зарядами, заставлявшими цель воспламениться почти мгновенно. Корабли, ближе остальных подошедшие к берегу, стали первыми жертвами этого обстрела.

— Продолжайте целиться в осадные машины! — мрачное лицо Шандрисы вытянулось от боли и ярости. С кораблей летели пушечные ядра и глефы — ночные эльфы пытались уничтожить источники неестественно смертельных зарядов.

По поверхности воды стали расползаться огненные пятна, тянувшиеся к новым жертвам. На трех кораблях — или даже уже на четырех — пожар стало невозможно потушить. Те, кто был на борту, прыгнули в воду и поплыли к уцелевшим судам.

Что-то в воде привлекло внимание Кордессы: движущийся силуэт, который, впрочем, не принадлежал ночному эльфу. Это был орк. Что за безумие...

И тут она поняла.

— Они хотят захватить корабли! — крикнула она.

— Продолжайте обстрел! — приказала Шандриса. Обе натянули тетиву и начали стрелять по головам ордынцев, показывавшимся из-под воды.

Всего за несколько минут скука сменилась хаосом — флот, которому еще недавно ничего не угрожало, оказался в смертельной опасности.

Еще один корабль охватило пламя. Кордесса продолжила стрелять.

А что еще оставалось?

Каким бы богам, loa или предкам ни молились ордынцы, их молитвы услышали.

План Малфуриона должен был сработать. Но когда огоньки не могли образовать плотное скопление, они были безобидны, как капли дождя. Горы считались неприступными — однако это оказалось не так. Что за темный путь нашла Орда — что за проход, который ночные эльфы, прожив здесь так долго, так и не заметили?

Теперь битва шла на два фронта — впереди и в тылу. Огоньки рассеивались... и погибали.

Он чувствовал ее. Она была уже так близко. Королеве банши пришлось долго гоняться за ним, однако игра подошла к концу.

Итак, вот как это должно закончиться — не прибытием спешащего на помощь флота Штормграда и не гибелью врага в безнадежной схватке с огоньками, но хаосом. Ловушка, которая по справедливости, по всем законам логики, должна была сработать, сработала — но против них.

«Теперь в эту ловушку попал мой народ, — думал Малфурион. — И я не могу его спасти! Я могу только смягчить этот сокрушительный удар».

Писать письмо не было времени — однако нельзя и обойтись без этого. Юная эльфийка-друид Тешара дрожащими руками взяла у него сложенное послание. Ее большие глаза были полны слез.

— Отправляйся в Дарнас, — сказал он ей. — Скажи, чтобы тебя отправили через портал в Штормград. Доставь это письмо моей госпоже.

— Я хочу сражаться! Я слышу звуки битвы!

— Выполнив приказ, ты послужишь мне и своему народу лучше всего.

У этого ребенка будет достаточно времени, чтобы сражаться. Битва за освобождение Древа Жизни обещала быть жестокой, и эльфийка еще могла пожалеть о своих словах.

Тешара с усилием слотнула, затем стремительно опустилась на одно колено.

— Было большой честью служить вам, шан'до, — проговорила она. Затем неуклюже поднялась, подпрыгнула и превратилась в буревестника.

К Малфуриону подбежала слегка запыхавшаяся Деларин. Ее доспехи были забрызганы кровью, однако, по всей видимости, не ее собственной.

— Мы больше не можем их сдерживать, — доложила она.

Верховный друид поднял лицо к небу и поглядел вслед удаляющемуся буревестнику.

— Сильвана снова разыскивает меня, — спокойно сказал он Деларин.

— Теперь я пойду к ней сам и буду задерживать ее столько, сколько мне позволит Элуна.

Деларин служила храбро и непоколебимо — исполняла его приказы, но при необходимости быстро принимала решения самостоятельно. Она была сильной и все еще сохраняла надежду. Она и ее подчиненные сражались так отчаянно и стольким пожертвовали. Но войско Орды было просто-напросто слишком огромным. Одно лишь численное преимущество позволяло им сметать все преграды, которые воздвигали на их пути калдорай.

Численное превосходство, тактика Саурфанга... и злая воля Темной Госпожи.

По лицу Деларин покатались слезы. Малфурион нежно вытер их. На мгновение она прижалась щекой к его большой ладони, затем глубоко вздохнула. Она знала. Орда захватит Дарнас. Теперь они сражались, чтобы удалось спасти как можно больше жизней.

— Что ты мне прикажешь, шан'до? — тихо спросила она.

«Такая бесстрашная. Они все сражаются так бесстрашно, — подумал Малфурион. — Они заслуживают лучшей участи. О, если бы я мог даровать ее им. Но я могу лишь отдать свою жизнь».

— Отведи своих воинов на север, к Туманному Пределу, — ответил он. — По прибытии... сделайте все, что сможете. Командир Летняя Луна... — продолжил Малфурион после небольшой паузы, — ты отлично справилась. Да пребудет с тобой Элуна.

Деларин выпрямилась, энергично отсалютовала и побежала прочь.

Малфурион Ярость Бури изменил облик, потрянул увенчанной ветвистыми оленьими рогами головой и легкими скачками понесся по камням и лесной траве. Жуткий гул темной силы, от которого дрожал воздух, служил ему ориентиром. Даже если он сможет убить ее, Дарнас все равно падет — и все же если в Орде не будет порядка, освободить город станет легче.

К тому же он хотел, чтобы она поплатилась за свои злодеяния.

Вернув себе облик ночного эльфа, он послал приказы камням и корням, почве и листве, и стал ждать. И когда появилась она — почуяв его так же, как он чуял ее, элегантная даже в облике нежити — он понял, что единение с вещами, намного превосходящими его самого, умирало гнев, оставив лишь скорбь — скорбь о своем народе, о своей любимой и даже о Сильване Ветрокрылой.

— Тебе не будет прощения за это, Сильвана.

— Я знаю.

Андуин думал, что готов к любому испытанию. Но когда прошло несколько дней, каждый из которых преподносил все новые кошмары, он понял, что подготовиться было невозможно.

Беженцы все шли и шли. Андуин приказал, чтобы по всему городу постоянно держали открытыми порталы, но магазинам нужно было спать и есть — как и каждому из мужественно державшихся, но эмоционально истощенных беженцев. Собор уже был переполнен, и жрецы стали ходить по улицам Штормграда, делая все, что в их силах, чтобы помочь голодным, усталым и испуганным эльфам. Андуин платил из королевской казны за одеяла, постельное

белье и пищу, а хозяева таверн — и даже обычные граждане — щедро распахнули свои двери.

Молодой король знал, что некоторым сейчас приходилось еще тяжелее. Велен был готов при первой необходимости вернуться на остров Лазурной Дымки, но пока что Орда казалась одержимой своим маршем на Дарнас и прямой угрозы для дрениев не представляла.

Когда через портал прошла стройная молодая эльфийка-друид с копной коротких зеленых волос и двумя письмами в руках, утверждающая, что ей нужно срочно доставить их Генну и Тиранде, ее немедленно отвели к верховной жрице. Вместе с Андуином, Генном и Веленом Тиранда помогала раненым. Вестница сунула Генну письмо, которое он, взглянув на ее лицо, решил прочесть сразу же. И облегченно вздохнул.

Когда Тиранда выпрямилась и обернулась к ней, друид внезапно разрыдалась. Она отдала своей госпоже письмо и начала запинаясь говорить подарнасски. Читая письмо, верховная жрица мертвенно побледнела.

«Нет, — мысленно воззвал Андуин. — Молю, Свет...»

Тиранда заключила убитую горем девушку в объятия и стала успокаивать ее — хотя было ясно, что и сама она пережила тяжелый удар.

— Госпожа Тиранда, — спросил Андуин, — что случилось?

Верховная жрица медленно подняла голову.

— Малфурион Ярость Бури попрощался со мной.

Услышавшие ее беженцы тихо вскрикнули от удивления. Некоторые разрыдались. Велен и Генн молча смотрели на нее.

По-прежнему обнимая прижавшуюся к ней эльфийку, Тиранда продолжила с напряженной, почти зловещей сдержанностью:

— Орда напала на его отряд с тыла, рассеяв огоньки. Теперь мой любимый отправился сражаться с Сильваной Ветрокрылой. Он постарается выиграть время, чтобы как можно больше калдорай покинули город, превращающийся в их темницу, — она встала, двигаясь напряженно и скованно. — Я отправляюсь к нему.

— Тиранда, это невозможно, — возразил Андуин.

Тиранда словно ожила: резко обернувшись к королю, она пристально посмотрела на него. Юная эльфийка, испугавшись, отстранилась и сделала шаг в сторону.

— Ты это мне говоришь? — спросила Тиранда дрожащим голосом.

Андуин спокойно ответил:

— Вы оставите своих людей без лидера, в котором они сейчас нуждаются как никогда, — он показал на сотни находящихся в соборе ночных эльфов. — Мы с Генном и Веленом уже обязались помочь калдорай вернуть Древо Жизни. Погибнув сейчас, вы дадите им несколько часов. Оставшись в живых, вы дадите им будущее.

Вместо ответа Тиранда лишь выпрямилась и не произнесла ни слова.

— Значит, ты уходишь.

Это сказал Генн. Тиранда кивнула. Генн кивнул в ответ:

— Скажи Миа, чтобы вернулась сюда. Сейчас же.

Прямота Генна заставила Тиранду нервно улыбнуться, однако улыбка не задержалась на ее лице.

Андуин смирился с тем, что разубедить ее не удастся, но надеялся, что сможет помочь как-то иначе.

— Когда я был младше, — сказал он, — мы с отцом не слишком ладили. Джайна дала мне это — чтобы иногда я мог сбегать из крепости.

Он достал из кармана плоский серый камешек, в который была инкрустирована сияющая голубая спираль.

— Это камень возвращения, — сказал он, — раньше он позволял мне навещать ее на Тераморе, — он печально улыбнулся. Воспоминания об этих визитах были одновременно приятными и горькими. — Затем его настроили так, чтобы он переносил в Штормград.

Он отдал камень Тиранде.

— Возьмите его. Оставайтесь в живых. Найдите Малфуриона и приведите его сюда. Потом вы вместе возглавите свой народ и вернете себе Древо — и в этой битве Штормград будет с вами.

Какое-то мгновение она пристально смотрела на камень, затем медленно протянула руку, чтобы взять его. Тиранда Шелест Ветра одарила Андуина мягкой, лучезарной улыбкой:

— Так я и сделаю, король Андуин Ринн. И будем считать, что эта битва начинается сейчас.

Наклонившись, она нежно поцеловала его в щеку, затем прошла в портал на Дарнас.

По другую сторону портала Тиранду ждала полная неразбериха.

Ночные эльфы теснились в очередях в ожидании единственной возможности покинуть город. Маги, поддерживавшие порталы в открытом состоянии, выглядели изможденными, их руки дрожали. Такие же усталые, жрицы отчаянно пытались заставить толпы беженцев двигаться организованно. Часть калдорай столпилась у лунного колодца и молилась Элуне о спасении. Дети, чувствовавшие тревогу родителей, плакали, и родители крепче прижимали их к себе.

Узнав свою верховную жрицу, ночные эльфы обрадовались.

— Госпожа Тиранда! — выкрикнула эльфийка, пытаясь пробиться сквозь толпу.

— Верховная жрица! — закричал кто-то еще.

— Что происходит?

Голос был человеческим, и, протолкнувшись через толпу, его обладательница подошла к ней. Тиранда посмотрела на Миа Седогрив. Лицо королевы было спокойным, но ее глаза широко раскрылись и она слегка дрожала. Верховная жрица склонила голову, прислушиваясь к ее словам.

— Мы слышали, Орда уничтожила огоньки, все часовые погибли и Орда собирается сжечь Древо Жизни магическим огнем.

— Все это неправда, — сказала Тиранда. — Однако... Орда и правда идет сюда.

Она замолчала, ей не хотелось произносить ужасные слова:

— И она возьмет Дарнас.

Миа глубоко вздохнула, расправила плечи и кивнула.

— Ты пришла помочь с эвакуацией?

— Я не могу, — ответила Тиранда дрожащим голосом, окинув взглядом происходящее вокруг. — Малфурион отправился сражаться с Сильваной. Я должна ему помочь. Если он победит, боевой дух Орды сильно пострадает. На какое-то время ее армия может впасть в замешательство, и тогда больше жителей успеют покинуть город.

Она снова замолчала.

— Тебе лучше тоже вернуться к своему мужу, королева Миа. Он очень волнуется.

Миа покачала головой.

— Не сейчас. До портала мне пара шагов, — ответила она. — Генну будет полезно проявить еще немного терпения. Иди. Я продолжу помогать жрицам успокаивать толпу и поддерживать порядок в очередях.

Королева Миа поднялась на ограждение лунного колодца.

— Жители Дарнаса! Проявите уважение к своей верховной жрице! Она отправляется сражаться вместе с Малфурионом Яростью Бури!

Толпа эльфов затихла и расступилась, освобождая путь.

Растроганная Тиранда подняла руки, обращаясь к Элуне за благословением ее народа. Чтобы справиться с тяжелым испытанием, которое вскоре ожидало всех их, была необходима надежда, храбрость и сила.

— О мой народ... мы не одиноки, — воскликнула она, — мы с Малфурионом сделаем все возможное, чтобы как можно больше из вас смогло спастись. Те же, кому придется остаться здесь, не бойтесь! Если Орда захватит Тельдрассил, Альянс немедля нанесет ей ответный удар. У нас есть друзья. И у нас есть воля к победе. *Мы калдорай!*

Когда она шла сквозь толпу, эльфы провожали ее восторженными криками. Она знала, что слов этих было недостаточно. Но сейчас это было все, что она могла сделать.

Была ночь. Со своего гиппогрифа Тиранда увидела мрачное зрелище: сотни ночных эльфов бежали в Дарнас со всего Древа Жизни. Наводнив город, они теснились на каждом камне светлых мостовых и даже на траве. Когда могучий зверь понес ее дальше, ритмично взмахивая крыльями, сердце Тиранды защемило еще сильнее.

Внизу ярко горело несколько кораблей — часть флота, отправившегося в Силитус защищать невинных, на так и не начавшуюся там войну. Остальные суда калдорай, пока что уцелевшие, отступали. В Туманном Пределе шли сражения. Лунный свет, обычно такой желанный и прекрасный, казался жестоким, когда освещал этот бой — и пугающее множество осадных орудий, нацеленных на Древо.

Бессчетное количество эльфийских силуэтов на берегу оставались неподвижными.

Какое-то мгновение ей ничего не хотелось так сильно, как направить гиппогрифа вниз и погибнуть в бою рядом с этими храбрыми калдорай, которые знали: лучшее, что они могут сделать — забрать врага с собой в царство мертвых. Но Андуин был прав — нельзя оставлять ее народ без лидера. Они с Малфурионом были нужны ему как никогда.

— Простите меня, — прошептала она, обращаясь к воинам-калдорай. Она дрожала, и виной этому был не только пронизывающий ночной холод. — Но знайте, что вас будут помнить.

Она заставила себя взглянуть вглубь суши, пытаясь угадать, где Малфурион сражался с Темной Госпожой. Ей нужно было найти его как можно скорее. Но где же он? Несмотря на всю свою тысячелетиями накопленную мудрость, на то, как долго она училась терпению, ей все еще было трудно найти единственное существо среди раскинувшегося внизу обширного леса. Неужели ей суждено было подвести всех в эту минуту?

Ее взгляд затуманился от слез. Она подняла лицо к нежному сиянию лун.

«Госпожа Элуна, — начала она молиться, стараясь успокоить переполненное волнением сердце, — озари мой путь».

Да озарит тебя свет Элуны — так звучало обычное для ее народа благословение. Эти слова говорили на прощание друзья и едва знакомые, желая друг другу удачи. Но теперь Тиранда молила об этом благословении так отчаянно,

как никогда раньше. Ей нужно было чудо, которое даст ночным эльфам надежду в грядущие дни безрадостного существования — когда, потеряв дом, они станут испуганным печальным народом, полагающимся на милость своих союзников.

Тиранда ахнула от удивления.

Богиня услышала ее.

На мгновение ночное небо пронзил тонкий столб лунного света — сквозь кроны деревьев он, прежде чем погаснуть, указал вниз.

Здесь. Вот где был ее возлюбленный. Вот где была последняя надежда ночных эльфов.

И Элуна указывала ей путь.

— Благодарю тебя, — наполовину всхлипнула, наполовину прошептала она, направляя гиппогрифа вниз и молясь, чтобы не оказалось уже слишком поздно.

На траве перед ней умирал ее возлюбленный. Его кровь блестела в лунном свете. Над ним, занеся топор, стоял верховный воевода Варок Саурфанг.

Вскрикнув, Тиранда соскочила с гиппогрифа. Вокруг нее разлился свет Элуны, ослепительно-яркий белый свет. Стоявший спиной к ней Саурфанг замер на месте под действием ее заклинания, словно окаменев. Едва коснувшись земли, Тиранда резко выбросила вперед руку. Орка подняло в воздух и кинуло в сторону. Он тяжело ударился о землю, но остался жив.

Саурфанг посмотрел на Тиранду, стоящую над своим любимым. Свет, который она призвала, принял форму сияющих и смертоносных шипов, зависших над седовласой головой орка. Тяжело дыша, он сощурился от ярких лучей, однако не собирался снова нападать.

«Я могу убить его лишь силой мысли. И все же он смотрит мне в глаза и не молит о пощаде».

Орк мог нанести Малфуриону смертельный удар еще до ее появления. Но он этого не сделал. Почему?

По-прежнему глядя в глаза Саурфангу, она опустилась на колени и дотронулась до Малфуриона, который все еще дышал. Тьма Сильваны оставила на теле верховного друида свои безобразные отметины. Но сильнее всего Тиранду

ужаснула огромная рана у него на спине. Ее сердце пронзила боль, когда пальцы погрузились в текущий из раны ручеек крови.

«Элуна, позволь мне исцелить его. Позволь мне забрать его отсюда и дай нам сил вынести то, что ждет нас впереди».

И свет богини снова пришел ей на помощь. Сияние, которое раньше образовывало столб света, теперь окутало тело Малфуриона и ярко горело, пока его раны не впитали мощную целительную энергию. Она почувствовала, как под ее рукой срастаются кости, затягиваются раны, а могучее сердце друида снова начинает биться ровно.

Позволив себе облегченно вздохнуть, Тиранда поднялась и повернулась к неудавшемуся убийце мужа. Саурфанг вел себя весьма осмотрительно и не шевелился. Клинки из света, все еще занесенные у него над готовой, ожидали приказаний Тиранды.

— Ты не убил его, — признала она. — Почему?

На мгновение пытливый взгляд его карих глаз задержался на ней, затем он, казалось, принял решение.

— Я ударил в спину — тихо ответил он. По-видимому, ему было очень тяжело, чуть ли не больно признать это. — В этом не было чести.

Она задрожала от гнева, а ее голос стал твердым, как камень, и острым, как лезвие, когда она ответила:

— Во всей этой войне нет чести, — она вспомнила дрожащих, испуганных беженцев, усеянные телами берега, осадные машины, готовящиеся обстреливать ее город. — Что с вами не так? Как вы посмели пролить столько невинной крови... ни за что?

— У нас есть цель — ответил Саурфанг. Он так и не двинулся и по-прежнему смотрел ей в глаза. — И мы должны победить.

Под действием ярости Тиранды смертоносные иглы света Элуны зловеще застыли. Их острые кончики были направлены на горло орка. Ей хотелось вонзить их в цель.

Но она не стала этого делать. Тиранде не часто доводилось встречать ордынцев, дорожащих честью, и она верила, что Саурфангу действительно стыдно. Как долго он уже простоял здесь, не решаясь нанести смертельный удар, — он, верховный воевода, воин, проливавший кровь уже тысячи раз?

Орда захватит Дарнас. Но когда это случится, воевода, который верил в честь, и с которым Тиранда поступила милосердно, возможно, в свою очередь, станет милосердно обращаться с пленными калдорами.

Да и смерти в последнее время было слишком много. Тиранду от нее уже тошнило. Она не хотела преумножать ее ради мести.

— Орда победит в этой битве, Саурфанг, но мы вернем себе наш дом.

— Возможно.

Хотел ли он вывести ее из себя? Она не собиралась поддаваться на провокацию.

— Ты пощади Малфуриона, и я дам тебе выбор. Попробуй остановить меня и умри... или останься на коленях в грязи – и будешь жить.

Но орк не собирался сдаваться. Он ответил:

— Нет. Это я дам тебе выбор. Забери мужа в Дарнас и погибни вместе с ним, когда мы придем... или унеси его подальше, и вы оба выживете..

Больше им нечего было сказать друг другу.

Тиранда наклонилась над Малфурионом и положила руку на его грудь. Дыхание было спокойным и ритмичным. Она спасла его.

Но они лишились дома. Тиранда знала, что всю оставшуюся жизнь будет гадать, был ли у нее шанс что-то изменить, если бы она вышла на битву с Сильваной Ветрокрылой и верховным воеводой Саурфангом вместе со своим возлюбленным. Смогли бы они победить? Или все, что им удалось бы, это обогреть землю своей кровью, и в смерти оставшись неразлучными?

Те, кто слушал ее храбрые слова в храме, были обречены на плен. Древо заполняют орки и тролли, Отрекшиеся и таурены, гоблины и эльфы крови.

Ее глаза наполнились слезами, но она не хотела, чтобы их увидел орк. Она позволила себе в последний раз взглянуть на могучие деревья Ясеневого леса. На свой дом.

«Простите меня, мои калдорами. Но мы вернемся. Клянусь, что это будет так».

Свободной рукой она нащупала в мешочке у себя на поясе маленький камень возвращения, так удобно помещавшийся в ее ладони, — подарок доброй и честной молодой души, которая, созрев, обещала стать верным союзником Света.

Достав камень, она посмотрела на него и через мгновение, стоило ей только подумать об этом, вернулась в Штурмград вместе со своим любимым.

Дым жег Деларин глаза и горло. Ночные эльфы, которым удалось покинуть Древо Жизни, толпились у моря на Темных берегах. Самообладание наконец покинуло их, они кричали от ужаса и тщетно звали на помощь еще уцелевшие суда.

Деларин понимала, почему корабли уплывают прочь, и молилась, чтобы Кордесса в целостности и сохранности находилась на борту одного из них. Орда передвигала по берегу свои смертоносные осадные орудия, стреляющие огненными зарядами. Любой корабль, подплывший к пляжу на помощь обезумевшим от страха калдорай, сгорел бы раньше, чем ему бы удалось спасти хоть одного из них. Шандриса Оперенная Луна поступила мудро, приказав кораблям уходить. Выжившие смогут вернуться с подкреплением от Альянса, чтобы отвоевать Древо у ненавистных захватчиков. Но это едва ли могло утешить тех, кому вскоре предстояло оказаться в плену.

Деларин Летней Луны среди них уже не будет. Она должна сражаться — пока может держать в руках оружие.

Адреналин и решительность позволили на время забыть о первых попавших в нее стрелах. Но с каждой новой стрелой, пронзавшей броню и плоть, тело повиновалось все хуже. Когда ее поразила последняя стрела, она какое-то мгновение еще стояла, покачиваясь, затем колени подогнулись и она рухнула на землю.

Она больше не могла оттягивать неизбежное.

Ей стало холодно, но странным образом боль утихла.

— Скоро все пройдет, — нежно сказал знакомый голос. Любимый голос.

Рядом с ней находился Феррин в своем любимом облике — в облике ночного саблезуба. Деларин обрадовалась. Но почти сразу поняла, что он разговаривает. В этом облике это было невозможно. Кошачий рот не мог произносить слова.

— Тебя здесь... на самом деле нет, — разочарованно пробормотала она.

— Я здесь, если тебе этого хочется.

Она умирала, и ее угасающий разум наполняли успокаивающие видения. Она приняла эту мысль на удивление спокойно. Одно она знала точно, хотя и не понимала, как: Феррин действительно был мертв. И это тоже ее не тревожило — ведь скоро она присоединится к нему.

— Отдохни, — сказал он.

Ей так хотелось послушаться. Но что-то не давало ей провалиться в последний сон. Она боролась с ним, отказываясь закрывать глаза. Наблюдая за приближающейся Ордой.

— Я... не могу, — ответила она и поняла, что сказала это вслух. Даже не сказала — тихо, хрипло всхлипнула.

— Ты больше ничем не можешь помочь, — с нежностью ответил Феррин.

Но был ли его призрак — или этот плод ее воображения — прав?

К ней приблизилось несколько фигур. Она услышала испуганные крики своих соотечественников, треск догорающих кораблей и громкий скрип тяжело движущихся осадных машин. Поверх всего этого шума, удивительно близко и невероятно четко хриплый и холодный голос отдал приказ:

— Зачистите берег. Готовьтесь к штурму.

Сильвана.

Малфурион потерпел поражение.

«Я потерпела поражение», — подумала Деларин, содрогнувшись в отчаянии. Та, что раньше была предводительницей следопытов и высшим эльфом, собиралась отдать город, где теперь остались только мирные жители, на растерзание худшим представителям Орды — мстительным мародерам. Само ее имя — Сильвана — означало любовь к лесам, к зелени, к жизни. Осталось ли что-то от прежней эльфийки в монстре, шагавшем теперь по направлению к ней?

Деларин отказывалась умирать. Время еще не пришло. Она хотела в свои последние мгновения достучаться до этой женщины, которая внешне была так похожа на нее, но так сильно отличалась.

Она хотела понять.

«Элуна, укажи мне путь. Помоги мне найти слова, которые тронут ее сердце».

Сильвана не замечала ее. Она быстро прошла мимо умирающей часовой.

Глубоко вдохнув, Деларин собралась с силами и спросила:

— Зачем?

Вождь остановилась.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПОЖАР

*Вместо листьев на древе пламя,
Кости вместо ветвей в его кроне,
Вместо почвы питает корни
Прах погибших.
Шум ветров, что его овевают,
Стал стенаниями обреченных.
Этот плач, что в песнь превратился,
Об ужасе, что слову неподвластен,
И о жестокости, какую не помыслить...
О жизни, красоте и благодати,
Которых больше нет
И никогда не будет.*

В эту ночь в Штурмграде царили суматоха и неразбериха. Даже во время эвакуации, когда ночным эльфам пришлось многое пережить, не было ни криков, ни драк, ни давки в отчаянных попытках спастись.

В соборе больше не оставалось места для беженцев — даже в самых темных уголках его обширных катакомб. В тавернах в каждой комнате разместилось по десять-пятнадцать эльфов. Даже в некоторых частях крепости собрались тихие, сдержанные калдорай. Казалось, что толпы эльфов наводнили весь город и с Аллеи Героев перетекают далеко в Златоземье.

Малфурион отдыхал. Тиранде не хотелось покидать его, однако как только он погрузился в настоящий, глубокий и живительный сон, она вернулась к Андуйну. Жрица и король продолжили свое дежурство у порталов в башне магов.

Порталы держали открытыми, и маги не спали уже несколько суток. с силы подкрепляла лишь сотворенная пища и питье вместе с новыми и новыми благословениями жрецов.

Генн тоже не смыкал глаз.

Андуин озабоченно замечал, как Генн, обычно угрюмый, становится все мрачнее. Несомненно, Миа это предвидела — она отправляла письмо за письмом с беженцами, которые были невероятно рады их доставить. Калдорай уважали Генна, но Миа они обожали. Но по мере того как толпы беженцев увеличивались, письма стали приходить все реже. И когда Тиранда, вернувшаяся вместе с тяжело раненым Малфурионом, рассказала Андуину о положении дел по другую сторону порталов, от ярости и тревоги Генн стал терять самообладание и начал принимать облик воргена. Остановить превращение стоило ему немалых усилий.

— Она совсем рядом с порталом, — сказала ему Тиранда, — и войдет в него, как только будет готова.

Жрица в успокаивающем жесте положила ладонь на руку Генна:

— Она делает очень важную работу.

— Она может делать ее здесь, — рявкнул Генн. — Придется отправиться за ней самому, — но он этого не сделал. Пока что. Однако, не дождавшись прибытия жены в ближайшее время, Генн, несомненно, исполнил бы свое намерение. И Андуин не смог бы его винить.

Велен увел Генна из башни магов, сказав, что им нужно как можно больше свободного места для беженцев. Теперь Генн и Велен следили за все более обильным потоком растерянных и испуганных ночных эльфов внизу, у входа в башню. Андуин пообещал Генну, что как только Миа вернется, он отправит ее туда, где ее с нетерпением ждал муж.

Он надеялся, что это случится уже скоро.

Первый залп осадных машин попал в цель.

Деревня Рут'теран, причалы которой были переполнены ночными эльфами, загорелась первой. Те, кто не погиб сразу, бросились в воду, крича от боли, но холодная морская вода усиливала страдания вместо того, чтобы облегчать их... и в конце концов убивала.

Магические заряды врезались в крону Тельдрассила, каждая ветвь которого была размером с обычное дерево. Огонь быстро разгорался. Его раздувал ветер,

который призывали шаманы на Темных берегах. Искры перескакивали с ветви на ветвь, как разъяренные бесы, оставляя за собой тлеющий багово-рыжий след.

Пламя расплзлось, быстро взбираясь ввысь. Поверхность озера Аль'Амет сияла, отражая игру черных и алых всполохов в небесах. Пожар перекинулся на север к Доланаару, на восток к деревне Звездного Ветра и на запад к лагерю у Кривой Сосны.

А оттуда добрался до Дарнаса.

Деревянные постройки на Террасе Торговцев сгорели быстро, однако камень и вода, окружавшие сердце великого города — храм Луны, задержали беспощадный огонь. Но лишь ненадолго.

Затем пожар достиг храмовых садов, и нависающие над храмом ветви тоже охватило пламя.

Жуткий смрад горящего дерева и опаленной плоти поразил Миа, как удар меча. Она согнулась, закашлявшись. Глаза слезились, а в ушах звенело от оглушительных криков, доносившихся снаружи — и раздававшихся в храме. Сквозь этот ужасный шум она различила далекий грохот.

Астария, Лария и другие жрицы застыли от страха рядом с ней. Их чувства были гораздо острее, чем у Миа. Сердце будто бы сжала чья-то холодная рука. Она не хотела знать, что означают все эти звуки.

Но долго оставаться в неведении не удалось. У входа в храм кто-то крикнул:
— На нас напали! Дерево в огне!

«Что я наделала?»

Тельдрассил.

Венец мира.

Его огромная крона, доселе служившая убежищем народу ночных эльфов, горела, то озаряя воду и берег оранжевыми отблесками, то погружая все вокруг в огромную чудовищную тень.

— Теперь понимаешь, — прошептала королева банши на ухо Деларин, прежде чем сделать невообразимое. Прежде чем она...

Но Темная Госпожа ошиблась.

«Я ничего не понимаю».

Горечь и чувство вины бушевали в душе Деларин так же яростно, как пламя перед глазами. В исполненном злобы порыве, таком же непостижимом, как и все ее мотивы, Сильвана Ветрокрылая повернула голову Деларин так, чтобы умирающей калдорай было отлично видно, как пламя пожирает все, что она любила — все, за что она сражалась, за что она проливала кровь, во что она верила. Все, ради чего она жила... и за что она умирала.

Древо Жизни превратилось в смертельную ловушку, а вскоре ему было суждено стать местом величайшего массового испепеления в истории Азерота.

— Закрой глаза, — сказал Феррин. Он лег и вытянулся перед ней, словно пытаясь заслонить ее от мучительно яркого пламени. Но его призрачное тело было прозрачным. Сквозь него она все равно могла видеть, хоть и нечетко.

«Мне нельзя закрывать глаза».

Произнести это вслух у нее не получилось. Говорить она больше не могла. Она знала, что и дышать ей осталось недолго.

«Я должна это видеть».

Если в мире еще существовало сострадание, мучительное зрелище должно было бы выжечь ей глаза. Но даже в таком утешении ей было жестоко отказано. Все чувства обострились до предела и наполняли ее разум все новыми и новыми ужасами. Она не должна была расслышать треск и скрип горящих ветвей Древа Жизни, однако этот звук примешивался к воплям оставшихся на Темных берегах.

По странной иронии судьбы, глядя на обжигающее пламя, Деларин чувствовала лишь холод.

«Смерть холодна, — подумала она, — даже для тех, кто сгорает. Тех, кого я не смогла спасти».

— Отпусти свою ненависть и свой страх, — сказал Феррин, так тихо и так нежно. — Все это осталось для тебя в прошлом. Пойдем со мной.

«Тебя не существует, — в мыслях Деларин смешались гнев и печаль. — Ты — лишь порожденная моим разумом тень, обещание покоя. Но покоя не будет. Для меня».

Призрачный силуэт друида исчез — но, конечно, его никогда и не существовало.

Над облаками дыма, над горящим Древом, над всеми невзгодами и страданиями этого мира сияли две луны: Белая Дама и Голубое Дитя. Мать и ребенок, Элуна и ее народ. Когда-то ночные небеса успокаивали душу, словно целительный бальзам. Теперь они были холодны, а звезды казались твердыми, как алмазы, на которые они походили своим блеском.

«Где же ты, Элуна? Как ты позволила предать твоих детей огню? Мы отдали все, что у нас было. За что?»

Ей повезло. Она умирала от нанесенных стрелами ран. Но дети, колыбелью которых были ветви Древа Жизни, были осуждены на долгую и мучительную смерть — и, что еще хуже, жертвы были совершенно невинными.

«Надеюсь, ты больше не посмеешь смотреть на Азерот без стыда, Элуна».

Ее мысли превратились в кинжалы.

«Ты покинула нас. Мы сделали все, что могли... Мы верили в твою любовь, в твою защиту...»

Ее тело слишком ослабело, а во рту слишком пересохло, даже чтобы с презрением сплюнуть.

Хотя холод уже проникал в ее сердце, боль усилилась.

«Скоро тебе уже будет совсем не больно», — уверил призрак ее возлюбленного.

Останется ли боль, когда она погрузится в забвение?

Феррин исчез, и спросить больше было некого.

Через порталы начал проникать дым, и Тиранда Шелест Ветра впала в отчаяние.

Перестало соблюдаться даже подобие какого-то порядка. Среди ночных эльфов царила паника: они бежали в башню магов через порталы от пожара, который каким-то непостижимым образом охватил Дарнас.

— Очистите проход! Нужно освободить место, сейчас же! — закричал Андуин.

Штормградские стражники тут же бросились выполнять приказ: схватив на руки детей ночных эльфов, они вместе с их родителями побежали к выходу на улицу.

Но это вряд ли могло помочь. Пламя было слишком буйным и распространялось слишком быстро — это был не обычный огонь. От него веяло магией, с помощью которой совершили что-то напрочь лишённое и крупницы сострадания, что-то настолько жестокое, что Тиранда даже помыслить не могла об этом.

«Неужели я самодовольно искушала судьбу, о Элуна? Неужели даже твой свет не способен развеять тьму в душе Сильваны Ветрокрылой? Неужели она и правда решила сжечь Дарнас дотла?»

У порталов калдорай отчаянно расталкивали друг друга, пробираясь сквозь толпу. Тиранда, Андуин, штормградские стражники и часовые оттаскивали заходящихся кашлем беженцев от портала, подталкивали их к выходу, а затем протягивали руки в портал, чтобы достать идущих следом. Дым почернел, стал гуще, удушливее, и сквозь него стоящих по другую сторону портала стало труднее различить.

Жар ударил в лицо Тиранде, осушив слезы, которых она раньше не замечала. Она заставила себя уступить свое место у портала кому-то другому и взяла себя в руки. Сейчас, когда важна была каждая секунда, она могла помочь более действенным образом.

«Элуна... пожалуйста, позволь мне помочь им».

И эльфы вокруг нее почти одновременно с облегчением вздохнули, почувствовав, как исцелились их легкие.

По лицу Астарики струились слезы — от дыма и от горя.

Как такое могло случиться? Как могла Орда зайти так далеко и как — именем Элуны, почему? — Орда решила сжечь Древо Жизни? Это была не просто война. Не просто жестокость. Это было безумие, геноцид, ненависть — столь ужасающая, что Астария не могла этого осознать.

Окаменев от шока и ужаса, она заставила себя сосредоточиться на происходящем рядом. В храме еще были открытые порталы. Еще можно было спасти жизни — если только она сможет достучаться до испуганной толпы.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие! — закричала Астария. — Не толпитесь у порталов, иначе пройти не сможет никто!

Несколько эльфов, инстинктивно искавшие укрытия, остановились и повернулись к ней. Однако большинство продолжало ломиться вперед, не обращая внимания на просьбу Астарины. Когда в храм проталкивались семьи, по нему разносились крики о помощи. Некоторые несли на руках своих близких с тяжелыми ожогами. Каждое движение заставляло обожженных эльфов кричать от боли, а их почерневшая кожа сочилась кровью и слезала. Кому-то жрицы уже не могли никак помочь.

Запах страха смешался со смрадом пожара и горячей плоти. Некоторые, пробившись вперед, даже не шли к порталам. Вместо этого они прыгали в лунный колодец и начинали обливаться священными водами, рыдая и вознося отчаянные молитвы своей богине.

— Слушайте свою жрицу! — это кричала Миа, все еще стоявшая на краю колодца, сложив руки рупором.

Встретившись взглядом с Ларией, Астария показала на вход в храм. Лария сразу же поняла ее и кивнула. Затем она бросилась в бассейн, обогнула группы паникующих просителей и вышла из воды на другой стороне. Проталкиваясь сквозь толпу, она скрылась из виду.

Вскоре она вернулась.

— Все горит, — сказала она Астарины, — деревья, трава... — она закашлялась, — скоро огонь отрежет путь к городу.

— Миа, — позвала Астария, отчаянно пытаясь перекрыть испуганных эльфов, — тебе пора уходить.

Королева стиснула зубы.

— Еще рано.

Астария нервно сглотнула. У королевы Гилнеаса были муж и дочь не калдорай. Жрица не могла позволить огню отнять ее у них.

— Скоро станет слишком поздно, — сказала она, — погибнув с нами, ты уже ничем не поможешь. Живая ты нам нужнее!

Она открыла было рот, чтобы продолжить, когда сверху раздался жуткий треск, похожий на стон. Достаточно медленно, чтобы все увидели и поняли, что происходит, но слишком быстро, чтобы кто-то мог спастись, на стеклянный купол храма стремительно падало что-то огромное, красно-оранжевое. Тяжелая ветвь, охваченная буйным пламенем, упала на крышу.

Собравшиеся у колодца эльфы закричали.

На мгновение огромную ветку остановила никогда не пустеющая чаша Хайдин, и сердце Астари подпрыгнуло от радости.

«Элуна спасла...»

По стенке каменной чаши пробежала извилистая трещина, и сосуд развалился пополам.

Священные воды хлынули вниз в последний раз. Осколки огромной чаши рухнули вместе с ними, и статуя Хайдин потеряла обе руки. Обломок чаши раздробил шею статуи, и ее голова покатилась на кричащих ночных эльфов, укрывавшихся в бассейне. Стенки лунного колодца раскололись, и священные воды, окрасившиеся кровью, хлынули из него на траву.

Раздались новые крики. Те, кто еще мог, бросились прочь, давя друг друга, как обезумевшие звери. Но за пределами храма их ждало только ненасытное пламя.

Прорывавшийся в порталы поток беженцев, окутанных черным дымом и преследуемых языками пламени, замедлился, превратившись в слабый ручеек, а затем... и вовсе иссяк.

Но Андуин и Тиранда все еще стояли в башне магов. Они ждали. И молились. Задыхались от кашля и щурились от жара.

Из одного портала вырвался жадный язык пламени, и Андуин понял, что пришло время сделать самый сложный в его жизни выбор.

Если по другую сторону порталов еще были живые, они были слишком слабы или слишком тяжело ранены, чтобы пройти через них. Даже крики были больше не слышны — он различал только беспощадный треск прожорливого пламени. Больше не будет спасенных семей с детьми. Жрицы так и не появились.

Как и Миа Седогрив.

Андуин знал, что Генн никогда не простит его за приказ, который он собирался отдать. Он знал, что и сам не сможет себя простить. И что если он будет и дальше медлить с командой, вставшей комком в горле, добравшиеся до Штурмграда эльфы задохнутся от густого черного дыма с другого края света, из Дарнаса.

И убитый горем король произнес срывающимся от боли голосом:

— Закройте...

Беспорядочный тревожный гул, поднимавшийся над рядами толпящихся в башне ночных эльфов, прорезал ужасающий вой.

— Прочь с дороги!

Голос был низким и хриплым. Король Гилнеаса, полностью принявший облик воргена, пронесся, как волк, на четырех лапах через собравшуюся в башне магов толпу. Зал уже успел наполниться дымом, но Генн, не обращая на это внимания, кинулся прямо к главному portalу.

Андуин, не раздумывая, бросился ему наперерез. Врезавшись в Генна, он сбил его с ног. Генн перевернулся, с легкостью пригвоздил Андуина к полу и зарычал, подняв покрытую белым мехом когтистую лапу, едва не поддавшись ярости, никогда полностью не покидавшей его в этом зверином облике.

— Слишком опасно! — просипел Андуин.

Звериная морда Генна нависла над лицом Андуина. Губы яростно рычащего воргена дернулись, обнажив длинные, острые зубы.

— Генн, уже слишком поздно! — крикнула Тиранда.

Ворген отскочил к ночной эльфийке.

— Она забрала мое королевство! — проревел Генн в ответ. — Она забрала моего сына. Я не дам ей забрать мою жену!

И прежде чем Андуин смог произнести хоть слово, Генн прыгнул в изрыгающий дым портал.

Генн Седогрив не понаслышке знал, что такое война, насилие, жестокость и скорбь. Но ничего из того, что ему уже довелось повидать, не могло подготовить его к кошмару, ждавшему по другую сторону портала.

Там, где раньше стояла прекрасная статуя, держащая чашу с целительными водами, теперь лежали обломки, изуродованные тела, смешавшаяся с кровью грязь и огромная горящая ветвь. Дышать здесь было почти нечем. Его волчье обоняние терзали запахи дыма и смерти.

Заставив себя сделать вдох, Генн закричал:

— Миа!

— Генн! Сюда!

Охрипший голос еще можно было узнать. Он принадлежал жрице Астари. Вместе с магом она пыталась сдвинуть тяжелый обломок, придавивший неподвижное тело.

«Миа...»

Генн подскочил к ним. Страх и ярость слились в вихрь такой могучей силы, какой он не чувствовал в себе еще никогда. Он поднял огромную каменную глыбу, словно это была одна из тех несносных тумбочек, которые так нравились его жене — которые остались гнить в Гилнеасе, когда они уплыли прочь...

— Миа!

Она лежала, свернувшись калачиком, пытаясь защититься от...

Нет. Она защищала не себя. Ее руки, каким-то чудом не сломанные, обнимали маленькую ночную эльфийку. Младенец не подавал признаков жизни. Запах крови его жены — которой пролилось слишком, слишком много — ударил ему в ноздри. Ее ноги были искорежены, словно у куклы, которую от злости

сломал раскапризничавшийся ребенок. Кожу прорвали сломанные кости, повсюду виднелись ожоги...

Он беспомощно и горестно взглянул на Астарию, но жрица уже шептала молитву осипшим от дыма голосом. Из ниоткуда вдруг появился свет, окутавший ее руки. Генн наблюдал, как ноги его драгоценной Миа выпрямляются, кости срстаются, изрезанная кожа...

Ее веки задрожали и раскрылись, а ребенок на руках зашевелился.

Новые слезы, пролившиеся уже не от дыма, щипали Генну глаза.

— Элуна все еще слышит нас, — сказала Астария. Даже теперь, даже здесь, ее лицо было полно нежности, восторга и удивления.

Миa протянула руку к мужу.

— Генн... Древо... они жгут Древо, — она тяжело закашлялась, когда раскаленный воздух снова опалил ей легкие. — Ребенок... заведи ее... оставь меня здесь. Оставь меня...

— Еще чего! — рявкнул он в ответ. Вместе они повидали и пережили немало невзгод. Пока дышал он, должна была жить и она.

— Я заведу вас обеих!

Но мог ли он сделать еще что-то? Эти эльфы были его друзьями, и сейчас им предстояла смерть, хуже которой он не мог представить. Великое Древо, ставшее домом для тысяч существ, подожгли. Его обитателям предстояло заживо сгореть, зная, что надежды на спасения нет. Уже взяв Миа на руки, Генн медлил. Бегство ему всегда было не по душе.

— Мы их не оставим, — сказала Астария, показывая на других ночных эльфов. Генн увидел, что ей понятны его колебания. Время, отведенное для спасения, истекло, как песок в верхней чаше часов. Она хотела сказать, что умирающие не будут одиноки — им помогут пережить последние минуты.

Мрачно, не зная, что еще сказать или сделать, Генн произнес:

— Да пребудет с вами Элуна.

С женой и последней крошечной спасенной ночной эльфийкой на руках Генн прошел в последний открытый портал.

Жрицы знали, что делать. Астария протянула руки к матери с маленьким сыном, которые были среди последних пришедших в храм.

— Не бойся, — сказала она дрожащему, онемевшему от страха мальчику. — Иди сюда.

Обняв одной рукой мать, а другой — ее сына, Астария опустилась на влажную землю.

Три последних жрицы Элуны на Тельдрассиле молились. Они просили не исцеления или спасения.

Они просили сострадания.

И когда их богиня услышала эту молитву, Астария начала петь.

Под сиянием луны слушай.

На берегу реки слушай.

С любимыми в своих объятьях слушай.

Стоны умирающих братьев слушай

И шепот ветра над теми, кто умолк.

Астарию окутала дрема, мягкая как пух, сладкая как мед. Боль исчезла. Она вздохнула. Вокруг она слышала похожие звуки.

Огонь был неумолим. Дым должен был убить их, а пламя — поглотить плоть и даже кости. От них должен был остаться лишь пепел. Но они знали, что не почувствуют ничего.

Боли не было там, где был Свет Госпожи и ее любовь. Мать и ребенок спали рядом и спокойно дышали, несмотря на дым. Прилежно выполнив свой долг, Астария разрешила и своим векам наконец сомкнуться.

«Виновных ждет справедливое воздаяние — когда-нибудь. Но это увидят уже не наши глаза».

Последним, что она услышала, засыпая, был чудовищный треск.

— Закрывайте! — крикнул Генн охрипшим голосом — охрипшим от огня, от дыма и от ужасов, которые он видел по другую сторону портала.

Побледневший маг, на лице которого от горя появились глубокие морщины, опустил руки.

Последний портал исчез.

Он успел. Генн принес с собой не только Миа, но и маленькую ночную эльфийку. Андуину не было видно, ранен ли кто-то из них троих, и он призвал Свет. В последние несколько дней он просил Свет о помощи тысячу раз — или даже больше. И Свет неизменно приходил на помощь, исцеляя раны.

Но не все раны. Генн устало опустился на пол, все еще сжимая в руках изможденную Миа. Тиранда взяла младенца на руки. Глубоко вдохнув и выдохнув, Генн вернул себе человеческий облик. Он поднял взгляд на Тиранду, и совершенно безрадостное выражение его лица красноречивее любых слов передало весь ужас происходящего.

— Древо горит, — сказал он. Его голос звучал резко и был полон боли.

— Ты имеешь в виду Дарнас? — спросила Тиранда, едва не поперхнувшись этими страшными словами.

— Древо горит, — повторил Генн. — Прости меня, верховная жрица. Орда сожгла Древо Жизни.

Он сощурил воспаленные от дыма глаза.

— Они за это заплатят. Клянусь тебе — они за это заплатят!

Андуин похолодел от ужаса. Древо горело. Тельдрассил, со всеми его селениями, укромными уголками и городками, его холмами, долинами и живностью. Всему, что на нем осталось, и всем, кто на нем остался, суждено было сгореть.

Тиранда закрыла глаза.

— Я сказала, что Древо не... — она запнулась. Открыв глаза, она посмотрела на ребенка, которого держала на руках, покрытого сажей, но невредимого. Здорового. Живого. По ее щекам медленно потекли слезы.

— Как ее зовут? — тихо спросила она.

Миа устало покачала головой.

— Не знаю.

— Тогда, дитя мое, я назову тебя Финель. Последняя. Ибо ты — последняя калдорай, покинувшая Древо живой.

Древо Жизни было не только городом. Оно было целой страной, где жили счастливые невинные существа. Сколько ночных эльфов осталось в других частях Азерота? Слишком мало. Теперь это весь их народ.

Сильвана Ветрокрылая устроила геноцид.

Андуин знал, насколько она была эгоистична и высокомерна. Насколько хитра. Насколько амбициозна. И все же он никогда не ожидал от нее такого. Затуманенным взором он видел Генна Седогрива, сжимающего в объятьях свою жену, и понял, что даже Генн, который ненавидел Сильвану всем сердцем, не мог в это поверить. Никто не думал, что жестокость и ненависть лишит ее разума. Не было никакого стратегического смысла, никакой разумной причины разрушать Древо. Напротив: этим непостижимым решением Сильвана объединила Альянс так, как больше ничто не могло его объединить.

Но все это было уже не важно. У них был шанс ее остановить. Атаковать раньше, чем это сделает она. Андуин сделал свой выбор и не воспользовался этой возможностью. Теперь его сны будут полниться несчетными голосами, пока он не достигнет одной цели: остановить Сильвану. Навсегда.

Взгляды Андуина и Тиранды встретились. Финель всхлипнула, и Тиранда прижала ее к себе. Затем, так тихо, что Андуин едва расслышал ее, верховная жрица ночных эльфов начала петь.

*О последнее дитя, слушай.
Плач моего израненного сердца слушай.
То песня о Древе Жизни
И смерти всех наших мечтаний,
Что когда-то цвели на могучих его ветвях...*

Андуин вытер глаза запачканным сажей рукавом. Его израненное, переполненное болью сердце готово было разорваться от мысли о том, что он должен был сделать. Но Андуин сковал его обручами решимости. После всего этого другого выхода не оставалось.

Выбора не было.

Никаких сомнений.

Никаких сожалений.

Только война.

СОЗДАТЕЛИ

АВТОРЫ:

Alex Afrasiabi, Hector Bolanos,
Caroline Wu Bonti, Elina Bytskevich,
Michael Carrillo, Sean Copeland, Steve Danuser,
Keith Ewing, Cate Gary, Christie Golden,
Adam Heine, Erik Jensen, Julie Kimura,
Christi Kugler, Brianne M Loftis, Polina Markina,
Allison Monahan, Ken Murayama, Justin Parker,
Glenn Rane, Chris Robinson, Robert Simpson,
Julia Trankvilitskaya, Varnish Studio, Inc.

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ:

Команда World of Warcraft
Отдел по развитию сюжета и франшизы
Отдел консультирования
Отдел локализации и тестирования